

Салимовский В. А.

**Речеведение: общие вопросы,
массовая коммуникация**

Электронный сборник статей за 2010-2012 гг.

(статьи опубликованы в различных изданиях при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта № 11-14-59010 а/У).

Санкт-Петербург

2012

Оглавление

Функциональная стилистика как речеведение.....	3
О речеведческой концепции Константина Федоровича Седова.....	17
Культура речи и речевая антикультура.....	35
Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета.....	64
Рецензия на кн.: Н.С. Болотнова. Коммуникативная стилистика текста.....	88

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

КАК РЕЧЕВЕДЕНИЕ¹

Развитие речеведения рассматривается как процесс, обратный по отношению к логике поиска Ф. де Соссюром истинного предмета лингвистики. Он состоит в переориентации исследования с языка (*langue*) на речь (*parole*) и затем на многообразную и разнородную речевую деятельность (*langage*), а также ее результат – речевое произведение. Сопоставляются дефиниции стиля М.Н.Кожиной и К.Гаузенбласа. Раскрывается синтезирующий потенциал разработанной М.Н.Кожиной модели смысловой структуры научного текста. В концептуальный аппарат стилистического исследования вводится понятие речевого действия как языковой игры.

1. Известный представитель французской школы дискурсного анализа Ж.-Ж. Куртин остроумно заметил, что при разработке понятия дискурса «надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть» [Куртин 2002: 98]. Очевидно, это утверждение можно отнести не только к анализу дискурса, но и к другим направлениям современных речеведческих исследований.

Прошло сто лет с тех пор, как Ф. де Соссюр прочитал в Женевском университете свои знаменитые лекции (1907-1911 гг.). Его теория, обретя после опубликования статус научной парадигмы, вскоре стала подвергаться критическому осмыслению. Если логика гениального швейцарского ученого состояла в отказе от исследования *речевой деятельности*, взятой в целом (*langage*), в исключении из рассмотрения *речи* (*parole*) и переходе к изучению имманентных свойств *языка* (*langue*), то начиная с работ Пражской школы вектор развития лингвистики постепенно стал менять свое направление, в конечном счете – на проти-

воположное: от *langue* к *parole*, а с последней трети минувшего столетия (в исследованиях по стилистике, неориторике, теории речевой деятельности, лингвистике текста, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике, дискурсивному анализу, лингвокультурологии и др.) к *langage*, т.е. к многообразной и разнородной речевой деятельности, составляющей объект целого ряда наук.

2. Изменению парадигмы в языкознании во многом способствовала стилистика. Если говорить о славянском ее направлении, о функциональной стилистике, то в ней переход от языка к речи стал господствующей тенденцией с середины 1960-х гг., когда и был введен термин *речеведение*. «Функциональная стилистика, – писала в это время М.Н. Кожина, – это... такая дисциплина, которая исследует не столько язык, сколько речь, и поэтому можно было бы ее назвать “речеведением”» [Кожина 1966: 13].

В настоящей статье мы выделим две фундаментальные идеи, эксплицированные в это время, и попытаемся проследить их влияние на складывающуюся в последующие десятилетия в стилистике проблематику. Одна из этих идей состоит в понимании функционального стиля как системно организованной разновидности речи, детерминированной комплексом экстралингвистических факторов, прежде всего видом общественной деятельности и формой сознания [Кожина 1966, 1968]. Другая идея заключается в истолковании стиля как одного из принципов интеграции коммуниката (текста) и в связи с этим в расширении границ стилистического исследования [Hausenblas 1967, 1968, 1972].

2.1. Изучение стилей как разновидностей речи, сложившихся в различных сферах общения, потребовало уточнения понятия «сфера общения». Оно было интерпретировано как единство вида деятельности и формы сознания [Кожина

---

¹ Статья опубликована в журнале: «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология». Вып.5 (11), 2010, с. 202-207.

1966: 16-17]. Эта трактовка экстралингвистической основы речевых разновидностей восходит к ключевым положениям лингвистической философии раннего М.М. Бахтина и, на наш взгляд, определяет «стержень» предмета функциональной стилистики, инвариантную часть его содержания. М.М. Бахтин писал: «Внутри самой области знаков... существуют глубокие различия: ведь сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая норма и т.д. Каждая область идеологического творчества по-своему ориентируется в действительности и по-своему ее преломляет» [Бахтин 1993: 15]. Несколько забегаая вперед, отметим, что в те или иные периоды разработки общелингвистической теории, в зависимости от господствующей проблематики, функциональная стилистика изучала или потенциал используемых в стилеобразовании языковых средств, или закономерности их употребления, или стилевую специфику текста как единицы коммуникации. Но в любом случае анализ был сосредоточен на каких-то аспектах речевой деятельности *в той или иной его сфере*, т.е. в определенной области «знакового преломления действительности».

Изучение стилей как разновидностей речи окончательно порывало с принципами системно-структурной парадигмы, так как объектом рассмотрения становилась речь, в которой, вопреки взглядам Ф. де Соссюра, устанавливались социальные закономерности, а в анализ включались экстралингвистические факторы. Но при этом исследование оставалось *лингвистическим*, поскольку речь понималась как употребление языка, а не как единица языкового общения (текст, словесное произведение) и тем более не как само общение (межличностное и социальное взаимодействие) посредством языка. Внимание исследователей было сосредоточено на употреблении собственно языковых единиц – особенностях их выбора, повторения, размещения, комбинирования, трансформирования.

2.2. В 1960-е гг. сформировалась и опередившая свое время концепция К. Гаузенбласа [Hausenblas 1968]. Согласно ей, стилистика должна войти в состав науки о построении коммуниката (еще не сложившейся тогда лингвистики текста), которая, в свою очередь, включается в науку о человеческой коммуникации. Стил, являясь одним из принципов интеграции коммуниката как целого, создается не только языковыми средствами, но также тематическими, употребление которых не определяется языковыми нормами, и тектоническими – приемами использования языковых и тематических единиц. Из этих положений следовало, что лингвистическое исследование стиля недостаточно, что оно не в полной мере соответствует выделенному объекту.

Обосновав внутривидовый подход к изучению стиля, К. Гаузенблас поставил вопрос о его синтезе с концепцией экстралингвистической детерминированности речевых разновидностей: «Если исходным положением стилистики считать то, что стили... зависят от определенных условий коммуникативного процесса, то целесообразно при классификации и характеристике стилей исходить из этих условий как стилеобразующих факторов с целью установления того, как они влияют на способы построения коммуникатов» [Гаузенблас 1967: 74-75]. Таким образом, актуальной стала проблема объединения «стилистики разновидностей употребления языка» и «стилистики коммуниката (текста)». Она остается насущной и сегодня, о чем, кстати, свидетельствует тот факт, что в современных вузовских учебниках по стилистике указанные два ее раздела обычно излагаются вне связи друг с другом.

3. Принципиальное решение этой проблемы предложила в 1990-е гг. М.Н. Кожина, разработав модель содержательного плана научного текста [Кожина 1996]. Выдвинутые ею положения требуют, на наш взгляд, осмысления при изучении тенденций развития современной стилистики.

В содержательно-смысловой структуре научного текста М.Н. Кожина различает:

«уровень выраженности в тексте – в его функционально-семантической стороне – базовых экстралингвистических факторов (вид деятельности с соответствующей ему формой общественного сознания);

уровень комплекса эпистемических факторов в единстве с коммуникативными, актуальными для данной сферы общения;

уровень эксплицитного содержания конкретного произведения (авторской концепции)» [Кожина 1996: 87].

Первый из указанных уровней образуют объективируемые в тексте установки и нормы научного исследования как такового, предполагающие отвлечение от единичного и познание общего, существенного, закономерного, в связи с этим активизацию характерного для научной деятельности отвлеченно-обобщенного типа мышления. Это наиболее глубокий «пласт» в смысловой структуре текста.

Второй уровень, выделение которого предполагает меньшую степень абстракции, представлен структурами знания как продукта познавательно-коммуникативного процесса, в частности, реализацией фаз продуктивного мышления (от проблемной ситуации к проблеме, идее, гипотезе, доказательству гипотезы, выводу). Такие эпистемические структуры составляют содержательную форму научного текста. Она реализуется на *третьем* уровне – в процессе экспликации авторской концепции.

Значение приведенной модели видится нам прежде всего в том, что она синтезирует представления об экстралингвистической детерминированности стиля с его текстовой (внутриструктурной) трактовкой. Этот синтез достигается

благодаря выводу об относительности понятия «экстралингвистического»: «Знание как продукт познания, законы познавательной научной деятельности, отражательная деятельность сознания человека как творческий процесс – все это является не просто внешними факторами, влияющими на формирование смысловой стороны текста, но и содержательными компонентами самой смысловой структуры текста» [Кожина 1996: 85].

Нужно подчеркнуть, что распространение стилистического исследования как на речевую ткань произведения, так и на его содержательно-смысловую сторону, рассматриваемую под углом зрения объективации в ней духовной социокультурной деятельности (научной, художественной, религиозной и др.), сближает стилистику с науками об «идеологическом (знаковом) творчестве». Реализуется один из принципов бахтинской лингвистической философии: «...основы науковедения, литературоведения, религиоведения, науки о морали и пр. ... теснейшим образом сплетены с проблемами философии языка» [Бахтин 1993: 13].

4. В смысловой структуре научного текста, считает М.Н. Кожина, могут быть выделены и другие уровни, соответствующие иным значимым для стилистического образования экстралингвистическим факторам. В частности, ставится вопрос об уровне речевых актов [Кожина 1996: 88]. Остановимся на нем.

Как известно, попытки включить понятие речевого акта в концептуальный аппарат стилистики сталкиваются с серьезными трудностями. Само это понятие, «опирающееся на глагольную лексику, применяемую для номинации речевых действий, предполагает иной, более высокий уровень обобщения – так сказать, алгебру коммуникации – и, вместе с тем, другой масштаб» [Долинин 1998: 43].

Примечательно, что Дж. Серль, типологизируя иллокутивные акты, отверг мысль Л.Витгенштейна о бесконечном разнообразии языковых игр. Расхождение во взглядах двух классиков лингвистической философии на состав и организацию речевых действий представляется закономерным. Ведь речевые акты соотнесены с семантикой единиц лексической системы (глаголов речи), которые обозначают действия изолированно от деятельности, тогда как языковые игры определяются именно как «компоненты деятельности» (или «формы жизни») и одновременно как инструменты, с помощью которых реализуются меняющиеся цели коммуникации [Витгенштейн 1994: 90-91].

Примечательно, что Л.Витгенштейн, приводя примеры языковых игр, называет, в частности, речевые действия, являющиеся типичными компонентами научной деятельности: «выдвигать и проверять гипотезу», «представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах» [Витгенштейн 1994: 90]. Мысль же об исторической динамике бесконечного множества языковых игр он иллюстрирует ссылкой на изменения в математике.

Представляется, что эти замечания Л. Витгенштейна имеют важное значение для адаптации понятия языковой игры к проблематике стилистических исследований. Действительно, если рассматривать языковую игру как компонент некоторого вида познавательно-коммуникативной деятельности, например научной, то мы, очевидно, получаем возможность в основных чертах описать соответствующую систему языковых игр. На мысль об этом наводит тот факт, что в ряде науковедческих исследований абстрактно-обобщенная модель познавательного процесса детализируется. В результате в нем выделяется значительное число этапов, фаз, стадий [Майданов 1983: 105-115]. Пределом детализации становится фиксация отдельных языковых игр. Например, формулирование проблемы и ее построение рассматриваются как целый ряд действий (в терми-

нах Л. Витгенштейна – языковых игр). Среди них: выдвижение центрального вопроса; фиксация того противоречия, которое легло в основу проблемы; предположительное описание ожидаемого результата; “расщепление” проблемы на подвопросы; локализация поля изучения и т.д. [Жариков 1976: 190-212].

Важно отметить, что отдельное научно-речевое произведение всегда реализует лишь какой-то «участок» познавательной структуры и соответственно какую-то последовательность языковых игр. Например, текст, цель которого – описать новый для науки объект, продуцируется в результате (1) фиксации характерных свойств изучаемого феномена, (2) его главнейших отличительных признаков, (3) определения его места в системе известных объектов. Языковыми играми, создающими сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа, являются: (1) фиксация данных опыта в разных исследуемых условиях, (2) ранжирование этих данных по возрастанию или убыванию признака, (3) утверждение о наличии эмпирической закономерности. Каждый из текстотипов, или речевых жанров, научной коммуникации представлен некоторой системой языковых игр – в большинстве случаев относительно гибкой, допускающей вариативность элементов [Салимовский 1997; 2002].

Не будет, очевидно, ошибкой сказать, что генетическая структура научно-познавательного процесса в целом – это когнитивная основа содержательно-смысловой организации *сверхтекста* данной сферы общения [Купина, Битенская 1996]. Актуализация же отдельных звеньев этой структуры создает речевые жанры (или субжанры – компоненты интегральных текстов).

Итак, в модели смысловой структуры научного текста мы выделяем уровень языковых игр, формирующих речевые жанры. Он надстраивается над уровнем авторской концепции, которая всегда воплощается в какой-то жанровой форме.

Заметим, что этот вывод представляется значимым не только в теоретическом, но и в методическом отношении, так как языковые игры – «это исходные лингвистические формы, с которых начинается обучение языку путем включения обучаемого в определенные виды деятельности» [Грязнов 2004: 1042].

5. Общий подход к изучению в функциональной стилистике смысловой структуры научного текста, по-видимому, можно экстраполировать на другие коммуникативные сферы, в частности сферу искусства. Симптоматично, что уровни содержательной формы и авторской концепции традиционно исследуются в литературоведении. По аналогии с концепцией М.Н. Кожинной, очевидно, может быть выделен базовый по отношению к ним уровень выраженности в функционально-семантической стороне текста специфических установок и принципов художественной деятельности, которые, как известно, предполагают созерцание единичных предметов, постигаемых в их завершенности и целостности, активизацию конкретно-образного типа мышления. Возможно выделение и уровня языковых игр – таких, как образное воссоздание черт наружности человека, особенностей его поведения (движений, поз, жестов), широких природных пространств (пейзаж), переживаний героя через их внешние проявления и др.

Эта модель, как нам кажется, хорошо иллюстрирует тенденцию к стиранию строгих границ между функциональной стилистикой и науками «об идеологическом (знаковом) творчестве», в данном случае – литературоведением. Действительно, стилистика, ставя своей задачей изучение объективации в тексте того или иного вида духовной деятельности, например художественной, и обращаясь в связи с этим к содержательной форме текста (феноменам мира произведения), а также к авторской концепции, явно входит в круг проблем литературоведения. Конечно, языковеды следуют традициям, сложившимся в своей

науке: применяют ее методики, используют лингвистический понятийный аппарат (при все более широком включении в анализ и литературоведческих понятий), сосредотачиваются на языковой репрезентации смысловых признаков. Но при этом уже нет препятствий для изучения различных аспектов не только собственно речевой, но и содержательной формы литературно-художественного произведения.

Мысль о междисциплинарном характере функциональной стилистики высказывалась уже на этапе становления этой науки. Но тогда подчеркивалось, что речь идет о лингвистической науке, изучающей употребление именно языковых средств под влиянием экстралингвистических факторов (прежде всего вида деятельности и формы сознания). Теперь же, когда структуры духовной деятельности – научной, художественной, религиозной и др. – рассматриваются не как внешние детерминанты текста, а как формы его соддержательно-смысловой организации (с поправкой на их модификацию, связанную с решением собственно коммуникативных задач) [Кожина 1996, Мишланов, Салимовский 2010], лингвистический – в строгом значении этого термина – аспект анализа стал лишь одним из существенных аспектов, наряду с другими, относящимися к ведению наук о различных видах духовного социокультурного творчества.

6. Как уже отмечалось, на этапе генезиса функционально-стилистической теории термин *речеведение* отражал смену предмета лингвистического изучения: им становилась не система языка, рассматриваемая в статике, а функционирование ее единиц под действием экстралингвистических факторов, т.е. речь. При этом понятие речи отграничивалось от понятия текста. Ср.: «Речь – последовательность знаков языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями выражаемой информации»; «текст – словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более

или менее завершенного содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [Головин 1980: 13-14].

Развитие лингвистики текста постепенно привело к широкому пониманию речи как текстовой деятельности и ее результата – речевого произведения. Термины *речь* и *текст* (соответственно *речевая деятельность* и *текстовая деятельность*) стали употребляться как синонимичные. Характерна, например, такая дефиниция: «Под речью понимают как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» [Арутюнова 2000: 414].

Как видим, широкая трактовка речи охватывает всю совокупность явлений речевой деятельности (ср. понятие *langage*). Они и составляют объект современного *речеведения*.

В последнее время предпринимаются попытки обоснования его целостности [Кожина 1998, 2003, Мишланов 1999, Шмелева 1997]. По мнению М. Н. Кожиной, «речевая деятельность человека, носителя языка, включает в себя все три ипостаси человека: как *homo sapiens* (человек мыслящий)... как *homo loquens* (говорящий), как *homo agens* (действующий)». Речеведческие науки, ориентируясь на те или иные грани человеческой активности, «строятся на общем, едином фундаменте... находятся под общим “зонтиком”» [Кожина 2003: 43]. При этом вопрос о границах лингвистического анализа остается открытым.

Своеобразие эпистемической ситуации в сегодняшнем речеведении видится нам в том, что этот вопрос не ставится остро: исследователи, входя в новую объектную область, пользуются свободой сочетания теоретических представлений той лингвистической дисциплины, проблематику которой они разрабатывают, с представлениями смежных научных дисциплин. Сказанное относится и к функциональной стилистике. В последние годы она особенно тесно взаимо-

действует с лингвопрагматикой и когнитологией [Gajda 2001], что, на наш взгляд, объясняется характером проблематики, складывающейся при изучении воплощения различных видов духовной социокультурной деятельности в тексте как единице общения. Но в ходе этого взаимодействия предмет функциональной стилистики не утрачивает своей определенности, так как неизменной остается направленность данной науки на исследование способов преломления действительности в текстах различных сфер общения, описание в том или ином аспекте особенностей стилевой организации этих текстов.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 414 – 416.

Бахтин М.М. Под маской. Маска 3. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. 612 с.

Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967, №5. С. 69-75.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1980. 335 с.

Грязнов А.Ф. Языковые игры // Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. С. 1042.

Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. Сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко. СПб., 1998. С. 35-46.

Жариков Е.С. Научная проблема в условиях научно-технической революции // Творчество в научном познании. Минск: Наука и техника, 1976. С. 185-217.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики /Перм. ун-т. Пермь, 1968. 252 с.

Кожина М.Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. II, ч.1. С. 73-89.

Кожина М.Н. Речеведческий аспект теории языка // Stylistyka. VII. Opole, 1998. S. 5-31.

Кожина М.Н. Истоки и перспективы речеведения // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып.3. С. 34-46.

Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 214-233.

Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла. М.: Прогресс. С. 95-104.

Майданов А.С. Процесс научного творчества. М.: Наука, 1983. 207 с.

Мишланов В.А. Предмет речеведения и его отношение к лингвистике // Речеведение. Научно-методические тетради. Великий Новгород, 1999. №1. С. 16-23.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (в печати).

Салимовский В.А. Функционально-смысловое и стилистико-речевое варьирование научного текста // Stylistyka. VI. Opole, 1997. S. 285-300.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Шмелева Т.В. Речеведение: в поисках теории // Stylistyka. VI. Opole, 1997. S. 301-313.

Gajda S. Stylistyka funkcjonalna, stylistyka pragmatyczna, stylistyka kognitywna... // Stylistyka a pragmatyka. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001. S. 15-22.

Hausenblas K. Výstavba slovesných komunikátů a stylistika (K současnému stavu stylistického bádání slavistického) // Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů, Praha: 1968. S. 343-347.

Hausenblas K. Výstavba jazykových projevů a styl / Univ. Karlova. Praha, 1972. 184 s.

О РЕЧЕВЕДЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

КОНСТАНТИНА ФЕДОРОВИЧА СЕДОВА²

В конце 1920-х гг. М.М. Бахтин, критически оценивая идеи Ф. де Соссюра, с одной стороны, К. Фосслера и Л. Шпитцера – с другой, сформулировал ключевое положение своей лингвистической методологии. Порядок изучения языка, писал он, должен быть таков: «1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т.е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [Бахтин 1993: 105]. Полвека спустя А.А. Леонтьев, приведя эту мысль ученого, отметил, что лингвистика и психология достигли такого уровня развития, когда реализация данной программы становится вполне возможной [Леонтьев 1979: 35].

Вклад Константина Федоровича Седова в формирование речеведческой теории видится прежде всего в том, что он верифицировал и развил базовое для лингвистики речи представление о детерминированности форм высказывания социальным речевым взаимодействием, органично включив это положение в свою концепцию речевого жанра и в модель повседневной коммуникации. Его идеи придают новый импульс развитию коммуникативной лингвистики, уточнению на основе указанной методологии накопленного знания и фундаменталь-

---

² Статья опубликована в кн.: «Коммуникация. Мышление. Личность». Саратов, «Наука», 2012. С. 52-62.

ных лингвистических понятий – онтологических (таких, как «речь», «речевая системность») и методологических.

Речь. Речевая системность. Определяя эти категории, К.Ф. Седов предложил следующие дефиниции: «Речь – это... то, как мы общаемся друг с другом в ходе социально значимого взаимодействия». «Речевая системность есть отражение системности нашего социального существования» [Седов 2009: 31].

Расширение пространства лингвистического исследования до *общения* [Горелов, Седов 1997, Дементьев 2000, 2010, Карасик 2002, Стернин 2003, Формановская 2007 и др.] в его речевом, социальном и психологическом измерениях стимулирует разработку категории речевой системности – одной из базовых категорий речеведения и дискурсного анализа. Обратимся к различным ее определениям.

По-видимому, сегодня можно говорить о трех основных трактовках речи: как последовательности единиц языкового кода, как текстовой деятельности и ее результата – речевого произведения и как общения средствами языка (речевого общения).

Первая из этих трактовок генетически связана с анализом дихотомии *язык / речь* в структурной лингвистике. Но если структуралисты единственным или, во всяком случае, главным объектом изучения считали языковую структуру, то создатели теории речеведения исходили из мысли о том, что определение сущности языка заключается в объяснении не только его структуры, но и употребления. Сосредоточившись на функционировании языка в реальном общении, т.е. на речи, исследователи подчеркивают, что речь не тождественна линейному отрезку языковой структуры, что в своем строении она «представляет еще и зависимость от таких экстралингвистических факторов, как цели и задачи разных сфер общения, “типы” содержания, “типы” мышления и др.» [Кожина 2002:

197]. Согласно определению Б.Н. Головина, речь – это «последовательность знаков языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями выражаемой информации» [Головин 1988: 12]. Хотя речь и построена из языка, она не равна языку: «В речи языковые единицы получают “чрезвычайную прибавку”, а именно выбор, повторение, размещение, комбинирование и трансформирование» [Головин 1988: 25].

В соответствии с этой концепцией речевая системность понимается как «взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания, обусловленного назначением экстралингвистической основы соответствующей речевой разновидности и связанных между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля» [Кожина 1972: 115-116]. Позднее М.Н. Кожина внесла в эту дефиницию дополнение, указав на взаимосвязь и взаимозависимость в речевой разновидности как языковых, так и текстовых единиц [Стилистический 2003: 347].

Второе – текстоцентрическое – понимание речи, основывается на том факте, что она существует в форме текстов, речевых произведений. Термином «речь» охватывается в этом случае не только употребление языка в ходе продуцирования поверхностно-речевого плана текста, но текстовая деятельность в целом – в единстве ее внутренней и внешней сторон, а также «результат этого процесса – устные или письменные произведения, представляющие собой организованное речевое целое» [Матвеева 2010а: 396]. Показателен в данном отношении введенный Н.И. Формановской термин «речь-текст» [Формановская 2007: 20].

Речевая системность предстает в данной концепции как типовая организация в той или иной коммуникативной сфере целостного речевого произведения, которое рассматривается в аспекте его типологических признаков – текстовых категорий [Матвеева 1990]. Основные единицы речевой системности – это *коммуникемы*, включаемые в состав *текстем*. Под коммуникемами понимаются «языковые средства, “заточенные” под определенную коммуникативную цель и обусловленные коммуникативной ситуацией». Под текстемами – связанные с общетекстовым авторским замыслом «структурированные единства языковых и речевых средств, обладающие функционально-текстовым единством в области содержания и формы, а также воспроизводимые в рамках того или иного текстотипа» [Матвеева 2010б: 81-82].

В третьей трактовке *речь* есть вербальная коммуникация. Развивая это представление, К.Ф. Седов эксплицирует категорию *дискурса*, в которой он акцентирует идею *взаимодействия (интеракции)*. В качестве единицы дискурсно-го членения принимается *речевой жанр*, определяемый как вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей. Для изучения различных жанровых форм, их компонентов и характеристик К.Ф. Седов вводит или развивает ряд понятий – *гипержанра, субжанра, жанроида, стратегии речевого поведения, внутрижанровой тактики, жанровой нормы*. Этот концептуальный аппарат используется и для разработки фундаментальной проблемы дифференциации речевого общения. Автор строит оригинальную модель дискурсно-жанрового членения пространства повседневной коммуникации [Седов 2007а, 2007б, 2009] и предлагает глубокие и элегантные описания ряда его участков [Седов 1997, 2011б].

Речевая системность определяется К.Ф. Седовым как «отражение системности нашего социального существования» и описывается в аспекте взаимосвя-

зи и взаимообусловленности высказываний, реализующих некоторую интенцию речевого общения.

Можно констатировать, таким образом, постепенное расширение объема категории речевой системности, ее распространение на процессы текстовой деятельности и собственно коммуникации. Нужно иметь в виду, что разработка данной категории во многом зависела от эпистемической ситуации в лингвистике. Действительно, в 1960-е гг., когда еще господствовала структурная парадигма, в качестве единиц речевой системности рассматривались именно языковые средства, а не композиционно-текстовые структуры и тем более не коммуникативные акты, поскольку текст и речевое взаимодействие не включались в то время в объект науки о языке. В дальнейшем генезис лингвистики текста позволил поставить вопрос о специфике организации целого речевого произведения в различных коммуникативных сферах [Hausenblas 1972], а становление теории речевого общения создало предпосылки для введения в анализ речевой системности понятия коммуникативного взаимодействия [Сидоров 1987].

Представляется, что рассмотренные концепции речевой системности являются взаимодополняющими, характеризующими разные аспекты одного и того же сложноструктурированного объекта – социального речевого взаимодействия, осуществляемого в форме текстов и предполагающего определенную организацию на текстовой плоскости разноуровневых языковых единиц.

Функционально-стилистический и институциональный подходы к исследованию коммуникативного пространства. Изучение обусловленности речевой системности социальным существованием человека предполагает включение в анализ данных об общественных отношениях и интеракциях, обращение в связи с этим к социологическим и социально-психологическим теориям [Тарасов 1974, 1979]. В последнее время в них находят опору направле-

ние типологии речи, сосредоточившееся на институциональном дискурсе [Карасик 2000, Kraus 2000 и др.]. В отечественной лингвистике эта проблематика разрабатывается на основе социально-прагматической концепции речевого общения [Карасик 1992, 2002, Дементьев, Седов 1998 и др.].

Согласно данной концепции, важнейшим делением в типологии речи является противопоставление личностно-ориентированного (персонального) и статусно-ориентированного (институционального) типов коммуникации. К первому типу относится обиходно-бытовое и бытийное – художественное и философское – общение, ко второму – коммуникативные разновидности, выделяемые в соответствии со сложившимися в обществе институтами, например, политический, деловой, научный, педагогический, медицинский, военный, спортивный, религиозный, юридический дискурс [Карасик 2002].

Исходя из этих представлений, К.Ф. Седов изучил жанровое пространство обиходно-бытовой коммуникации. В его работах отчетливо проявилась новая тенденция развития коллоквиалистики – переакцентирование внимания с функционирования языковых средств на речевое взаимодействие коммуникантов. В лингвистической персонологии исследователь разработал оригинальную модель жанровой компетенции, обосновал критерии создания речевого портрета личности, изучил виды модальности повседневного общения [Седов 1999, 2000, 2008, 2011a]. В то же время он выступил с программой жанроведческого описания институционального дискурса, предполагающей все большее сужение социального пространства обитания человека – вплоть до семейного общения [Седов 2009: 38].

Свой подход к типологизации повседневного дискурса К.Ф. Седов соотнес с функционально-стилистическим, указав на конкуренцию двух концепций: «Наиболее радикальной точкой зрения, – писал он, – ...выступает попытка за-

менить функциональную стилистику теорией дискурсно-жанрового членения речи. “Стилистика умерла!” – восклицают сторонники этой концептуальной позиции: “Да здравствует альтернативная стилистика – генристика!” Подобному подходу противится отечественная традиция изучения стилей языка и речи... Окончательное решение проблемы “стиль – жанр” – дело будущего» [Седов 2007а: 10].

В развитие этой темы мы кратко охарактеризуем стилистическое направление исследований в его отношении к анализу институционального дискурса и остановимся на вопросе о включенности ментально-речевой активности человека в различные виды его деятельности. Это позволит нам обсудить некоторые перспективы идей К.Ф. Седова в области речеведения.

Как известно, предмет функциональной стилистики изменялся в процессе ее развития. В период становления этой науки термин «функциональный стиль», не будучи однозначным, чаще всего употреблялся для обозначения некоторого участка языковой структуры – совокупности однотипно окрашенных языковых средств. В этом значении использовал данный термин и В.В. Виноградов в своем итоговом стилистическом исследовании: «Стилистика языка... описывает, квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как “системы систем”. Она изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка... Эти стили обычно называются функциональными...» [Виноградов 1963: 5]. Функциональные, или языковые, стили становятся, согласно В.В.Виноградову, базой для дифференциации многочисленных и многообразных стилей речи – композиционных систем в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей устной и письменной речи [Виноградов 1963]. Отсюда устойчивая

традиция понимания функциональной стилистики как лингвистической науки, изучающей прежде всего относительно устойчивые частные системы языковых средств, регулярно используемых в определенных сферах общения.

Однако со второй половины 1960-х гг. постепенно утверждается подготовленное работами предшествующего периода речеведческое понимание функционального стиля как социально осознанной разновидности речи, соответствующей той или иной сфере деятельности и форме сознания [Кожина 1968]. Складывается метод исследования, заключающийся в выявлении закономерных особенностей организации речи как детерминированных своеобразием воплощаемой в ней формы общественного сознания. Основным предметом функциональной стилистики становятся закономерности употребления разноуровневых языковых единиц в различных сферах общения и создаваемая стилистико-речевая системность.

На современном же этапе развития функциональной стилистики, когда внимание лингвистов сосредоточено на структурно-композиционных принципах продуцирования текста, когнитивных и прагматических особенностях его организации в разных коммуникативных сферах, предметом этой науки становится своеобразие способов осуществления текстовой деятельности и типов речевых произведений в связи со спецификой тех видов духовной социокультурной деятельности, в состав которых текстовая деятельность включается. Главное в предмете функциональной стилистики – закономерности организации языковой формы и смыслового содержания текста в их детерминированности сферой общения, характеризующейся определенным «принципом знакового отражения действительности» [Бахтин 1993].

Уже с 1980-х гг. стилисты приступили к анализу структуры познавательно-коммуникативной деятельности, осуществляемой посредством

текстов [Котюрова 1988]. Сначала формы деятельности рассматривались лишь в общих чертах, затем более детализированно. Это изменение проявилось в том, что исследователи от построения моделей «стилестекста» постепенно начали переходить к решению новой задачи – изучению речевых жанров, представляющих тот или иной макростиль. При этом жанры стали трактоваться как текстовая объективация форм деятельности – научно-познавательной [Салимовский 2002], политико-идеологической [Дускаева 2004], религиозной [Худякова 2009, Мишланов, Салимовский 2010, Wojtak 2011] и др. Например, для жанров научного текста конститутивными являются формы познавательной деятельности ученого, в том числе репродуктивные способы описания объекта, систематизации и классификации данных наблюдения, фиксации эмпирической закономерности причинно-следственного типа, экспликации понятия и др.; для газетных жанров – формы социального ориентирования, оценочной интерпретации общественных изменений, обсуждения и принятия управленческих решений. Можно утверждать, что функционально-стилистический подход к тексту, по сути, оказался неотделимым от институционального, поскольку социальные институты есть не что иное, как организованные формы социальной деятельности. Это широкое определение институтов доминирует в социологии. Оно используется и в лингвистических исследованиях, в частности при осмыслении категорий дискурса. Характерно определение М.Л. Макарова: «Под социальным институтом понимается культурно-специфическая нормативно организованная конвенциональная система форм деятельности, обусловленная общественным разделением труда, а также предназначенная для удовлетворения особенных потребностей общества» [Макаров 2003: 206].

Мы видим, таким образом, что функционально-стилистический анализ не противопоставлен институциональному. Он, как указывалось, предполагает изучение содержательно-смысловой и поверхностно-речевой организации текстов (текстотипов) в ее обусловленности объективируемыми формами духовной деятельности (научной, правовой, политико-идеологической и др.). Иными словами, в поле зрения стилистов оказывается детерминированность текстов институтами духовной жизни общества.

Между тем объект формирующегося направления исследований, называемого анализом институционального дискурса, по-видимому, является более широким. В самом деле, речевые действия коммуникантов входят в структуру не только духовной (внутренней), но и материально-практической (внешней) деятельности. К тому же во многих случаях «внутренняя деятельность, отвечающая познавательному мотиву, реализуется существенно-внешними по своей форме процессами... То же относится и к внешней деятельности: некоторые из осуществляющих внешнюю деятельность действий и операций, могут иметь форму внутренних, умственных процессов...» [Леонтьев 1975: 112]. Функции речевых действий в различных видах деятельности разнообразны и пока мало изучены [Леонтьев 1997: 249-256]. По-разному осмысливая соотношение общения и деятельности, исследователи тем не менее сходятся во мнении о необходимости систематического описания всего многообразия взаимодействий коммуникантов [Леонтьев 1997, Ломов 1984]. Фундаментальная задача изучения институционального дискурса, по-видимому, и состоит в рассмотрении форм этих взаимодействий и опосредующих их текстовых структур.

Конечно, стилистика традиционно разрабатывает проблематику выразительного использования языковых средств и в меньшей степени, чем лингвистическая прагматика, сосредоточена на изучении семантики речевого действия.

Однако как функциональная стилистика, так и прагматически ориентированные концепции дискурса по мере их развития стремятся расширить свой предмет, распространив его на внешний и внутренний планы текста как единицы общения [Стилистика 1997, Stylistyka 2001]. Поэтому указанное различие между рассматриваемыми направлениями речеведения не является абсолютным.

Отметим в этой связи, что К.Ф. Седов назвал свою концепцию дискурсно-жанрового членения коммуникативного пространства *альтернативной стилистикой* [Седов 2007 а, б]. Наибольший интерес у него вызывала повседневная, прежде всего обиходно-бытовая речь как представленная первичными речевыми жанрами и поэтому являющаяся исходным объектом изучения. Примечательно, что исследователь в соответствии с общим критерием функционально-стилистической типологии речи, заключающимся в соотношении речевых разновидностей с формами общественного сознания, в качестве экстралингвистической основы обиходно-бытовой речи рассматривал «жизненную идеологию» (М.М. Бахтин), из которой выкристаллизовываются формы сознания [Седов 2007 а: 18-19]. Однако в фокусе его внимания были не инвариантные стилевые черты данной речевой разновидности, а ее жанровые формы, обусловленные комплексом характерных для этой сферы общения социально-ролевых и межличностных взаимодействий – непосредственных речевых контактов «в процессе совместного труда, разрешения разнообразных проблем, отдыха, развлечения, передачи жизненного опыта» [Васильева 1986: 5].

С нашей точки зрения, мысль К.Ф. Седова о целесообразности изучения пространства повседневной коммуникации с учетом сведений о социальных группах, в том числе малых [Седов 2009: 38], особенно плодотворна для выявления и систематизации различных видов деятельности, реально осуществляемых членами этих групп и определяющих речевые взаимодействия индивидов.

Ведь само понятие малой социальной группы включает представление о деятельности, которой объединены ее члены [Крысин 2004: 476]. Если мы возьмем в качестве примера семью, то сможем рассмотреть некоторый состав коммуникативных потребностей ее членов и соответствующих деятельностей. Это потребности в любви и сексуальных отношениях, в духовном взаимообогащении, эмоциональной поддержке, психологической защите, в чувстве безопасности, в контактах с детьми и их воспитании, в обустройстве быта, в получении материальных средств и хозяйственных услуг одними членами семьи от других, в организации совместного досуга и отдыха и др. [Мацковский 1989, Шнейдер 2006]. Каждый из этих видов коммуникативной активности предполагает определенный набор типичных ситуаций общения, норм взаимодействия, речевых жанров и гипержанров, языковых средств и устойчивых способов их сочетания.

При таком подходе к изучению общения в малых группах основным методом исследования становится «проецирование» данных социальной психологии о статусе, ролевых установках, ценностях, взаимоотношениях, типичных эмоционально-волевых проявлениях членов группы на воплощающие эти феномены участки дискурса, которые затем анализируются с помощью сложившихся лингвистических методик. К.Ф. Седов представил образец исследования жанров бытового конфликтного общения как объективации психологического содержания враждебности и агрессии [Седов 2003, 2007в].

Заметим, что без ориентации на виды деятельности, осуществляемые членами малой социальной группы, определение состава и взаимосвязи используемых речевых жанров едва ли может быть сколько-нибудь полным, поскольку жанры включаются в репродуктивную деятельность и идентифицируются как ее речевые компоненты. В самом деле, если мы зададимся целью квалифицировать в жанровом отношении такой, например, фрагмент разговорно-бытовой речи:

[Вечером жена звонит мужу по телефону] *Я уже на «Чкалова»,* – то было бы недостаточно и неточно сказать, что это сообщение. Ведь если мы учтем тип коммуникативной ситуации, пресуппозицию [*Я снова задержалась на работе. Подъезжаю к нашей остановке*] и реализуемые в разных семьях нормы поведения супругов, то станет ясно, что приведенное высказывание является выраженной в форме сообщения косвенной просьбой жены о проявлении заботы и обеспечении безопасности: [*Выходи меня встречать, потому что уже стемнело*]. Этот жанр – лишь один из речевых элементов в целостной системе взаимодействия членов семьи.

*

В отечественной лингвистике рубежа XX-XXI вв. Константин Федорович Седов был одним из наиболее ярких представителей коммуникативного направления, развивавшего традиции сложившихся в 1960-70-е гг. теории речевой деятельности и функциональной стилистики. Думается, что именно эти области знания, плодотворно разрабатывавшиеся учеными саратовских вузов, определили его интерес к методологическим вопросам исследования речи, к фундаментальным категориям психолингвистики и речеведения. В новых эпистемологических условиях К.Ф. Седов, используя достижения лингвопрагматики, дискурсивного анализа и опираясь при этом на классические идеи М.М. Бахтина, разрабатывал основания лингвистического жанроведения (генристики). Эксплицируя понятие речевого взаимодействия, он создал концептуальный аппарат описания пространства повседневного общения, раскрыл роль жанрового мышления в коммуникативной компетенции языковой личности. Мысли К.Ф. Седова о принципах построения модели коммуникативно-речевого континуума обладают большим эвристическим потенциалом и несомненно будут стимулировать развитие речеведческой теории.

Литература

Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. – 206 с.

Васильева А.Н. О целостном комплексе стилоопределяющих факторов на уровне макростилей // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация / Перм. ун-т. Пермь, 1986. С. 3-12.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. – 320 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Изд-во Лабиринт, 1997. – 224 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. – 600 с.

Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Изд-во Саратов. пединститута, 1998. – 107 с.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : Дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2004. – 359 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд.-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25-33.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Волгоград: Перемена, 2002. – 447 с.

Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1968. – 252 с.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / Перм. ун-т. Пермь, 1972. – 395 с.

Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Пермь / Перм. ун-т, 2002. – 482 с.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1988. – 170 с.

Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных группах // Он же. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 475-485.

Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 18-36.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. – 336 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. – 445 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд.-во УрГУ, 1990. – 172 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с. (Матвеева 2010а).

Матвеева Т.В. К вопросу о единицах речевой системы // Речеведение: современное состояние и перспективы / Перм. ун-т. Пермь, 2010. С. 78-84. (Матвеева 2010б).

Мацковский М.С. Социология семьи. М.: Наука. 1989 – 116 с.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 24-29.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 236 с.

Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 188-195.

Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28. С. 3-29.

Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд.-во УрГУ, 2000. С. 298-311.

Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. тр. – Саратов: Колледж, 2003 – С. 196-212.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-38. (Седов 2007а).

Седов К.Ф. Дискурсно-жанровое членение речи как альтернативная стилистика // Текст. Дискурс. Жанр // Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. Балашов, 2007. (Седов 2007б).

Седов К.Ф. Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 259-268. (Седов 2007в).

Седов К.Ф. Онтопсихоллингвистика. М.: Лабиринт, 2008. – 318 с.

Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. С. 23-40.

Седов К.Ф. Речеганровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. С. 25-46. (Седов 2011а).

Седов К.Ф. Compliment – речевой жанр суггестивного дискурса // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. С. 225-235. (Седов 2011б).

Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. – 144 с.

Стернин И.А. Практическая риторика. М.: Академия, 2003. – 272 с.

Стилистика и прагматика / Перм. ун-т. Пермь, 1997. – 108 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003 – 696 с.

Тарасов Е.Ф. Социоллингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 255-273.

Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5-147.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. – 479 с.

Худякова Е.С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере (на примере текстов Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата). – Автореф. дис.... канд. филол. наук. Пермь, 2009. – 19 с.

Шнейдер Л.Б. Семейная психология. М.: Академический проект, 2006. – 768 с.

Hausenblas K. Výstavba slovesných projevů a styl / Univ. Karlova. Praha, 1972. 184 s.

Kraus I. K problematice institucionálního diskurzu // Stylistyka IX. Opole, 2000. S. 103-116.

Stylistyka a pragmatyka. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2001.

Wojtak M. Współczesne modlitewniki w oczach językoznawcy. Studium geneologiczne. Tarnów 2011. 287 s.

КУЛЬТУРА РЕЧИ И РЕЧЕВАЯ АНТИКУЛЬТУРА³

1. *Об изменении содержания термина «речь».* В справочных и учебных лингвистических изданиях *речь* обычно определяется как функционирование языка в процессе общения. Эта широкая дефиниция охватывает разные понимания речи – прежде всего как 1) последовательности единиц языкового кода, 2) текстовой деятельности и ее результата – речевого произведения, 3) общения средствами языка (речевого общения).

Еще в 1960-80-е гг. эти области исследования, как правило, терминологически строго разграничивались. Характерны, например, определения Б.Н.Головина: «речь – последовательность знаков языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями выражаемой информации; ...текст – словесное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство некоторого более или менее завершеного содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [Головин 1980: 12-13]. Речевое общение – взаимодействие сознания автора речи и сознания адресата [указ. соч.: 34-35].

Основным предметом речеведческого исследования была в это время речь как последовательность знаков языка в единстве с экстралингвистическими факторами. Включение в анализ последних – базовый принцип функциональной стилистики и культуры речи – областей знания, развивавшихся в русском, а также в чешском и словацком языкознании в тесном взаимодействии. Вот одна из первых его формулировок: «...Невозможно себе представить речь как проявление языка в абсолютной “пустоте”, абсолютно лишенную каких бы то ни бы-

ло *целей* общения у говорящих... *условий* “протекания” речи (место, время, ситуация и т.д.), *выражения чего-то* (в том числе в случаях, когда это “разговор” самого с собой, “мысли вслух”), наконец, невозможно явление речи вне человека (...никогда никем не произнесенной и не написанной). И все это (то есть экстралингвистические факторы...) не может так или иначе не отразиться на высказывании, на строении речи, на выборе языковых единиц и принципах их объединения» [Кожина 1968: 40]. Согласно Б.Н. Головину, «речь в процессе ее построения и понимания всегда решает те или иные коммуникативные задачи и всегда соотнесена и связана с другими, внешними по отношению к ней структурами» – сознанием в его целом, мышлением, предметной действительностью и др. [Головин 1980: 24].

Заметим, что указанный принцип формулировался и в психолингвистических исследованиях механизмов порождения и восприятия речи: «Строго говоря, речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую» [Леонтьев 1969: 27]. В качестве исходного этот принцип сформулирован в теории речевой коммуникации. Обращаясь к ее разработке, Е.Ф. Тарасов писал: «“Внешние координаты” должны составить предмет особой дисциплины, которая вместе с психолингвистикой исчерпывает теорию речевой деятельности. Предметом теории речевой коммуникации... является социальный фон развертывания речевых действий» [Тарасов 1979: 255].

Как видим, все основные направления формировавшейся с конца 1960-х гг. отечественной линг-

---

³ Статья опубликована в кн.: «Дискурс. Культура. Ментальность» / Отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2011. С. 34-50.

вистики речи – теория речевой деятельности, функциональная стилистика, культура речи – включали в предмет своего изучения экстралингвистические явления, развивая идеи М.М.Бахтина (В.Н. Волошинова), В.В.Виноградова, Л.П. Якубинского, членов Пражского лингвистического кружка.

Между тем на рубеже веков интерес к функционированию единиц языка, т.е. их выбору, повторению, размещению, комбинированию, трансформированию [Головин 1977], заметно ослабевает. Главными объектами речеведения становятся текстовая деятельность (и ее продукт – целый текст) и процессы речевого общения. Эту ситуацию хорошо отражают, в частности, такие определения: «Под речью понимают как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» [Арутюнова 2000: 414]. «Если язык – это... средство, инструмент общения, то речь – это и есть языковое общение, или механизмы, принципы пользования этим инструментом» [Шмелева 1999: 5]. Речь – это «функционирующий язык, применение языка в общении, то же, что речевое общение, речевая коммуникация» [Матвеева 2010: 396].

Можно сказать, что изменение акцентов в изучении речи соответствует позиции М.М.Бахтина, выработанной им еще в конце 1920-х гг. и развитой в 1950-е гг.; по мнению ученого, «игнорирование активной роли другого в процессе речевого общения и стремление вообще обойти этот процесс проявляется в нечетком и двусмысленном употреблении таких терминов, как “речь” или “речевой поток”... Ведь речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей... Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, то есть сменой говорящих [Бахтин 1979: 248-249].

В результате интерес к проблематике «внешних координат» речевой деятельности стал проявляться еще в большей мере, чем прежде. Появилась необходимость в переосмыслении соотношения лингвистического и экстралингвистического. «Если учесть, – писала в этой связи И.Я.Чернухина, – что язык – орудие общения, а содержанием общения является не обмен языковыми структурами, а обмен информацией, то мы приходим к выводу, что настало время упрекнуть лингвистов в том, что по сложившейся традиции они относят воплощенную в речи мысль к экстралингвистическим явлениям» [Чернухина 1994: 60].

Изучение эволюции речеведческой проблематики как в отечественной лингвистике, так и в зарубежной – чешской, словацкой, польской, других славянских стран, где живы традиции русского и чешского функционализма 1920-30-х гг. [Речеведение 2010, Stylistyka 1997, 1998, 2000], приводит к выводу, что заданный Ф.де Соссюром в начале XX в. вектор развития теоретической лингвистики – от речевой деятельности, взятой в целом (*langage*), к дихотомии язык (*langue*) / речь (*parole*) и к имманентным свойствам языка – со временем изменил направление на противоположное – от системы языка к ее реализации в последовательности языковых знаков и, далее, к многообразной и разнородной текстовой деятельности в общении, т.е., по существу, к *langage* [Салимовский 2010]. Вопреки распространенным сомнениям в возможности построения фундаментальной теории текстовой деятельности как гетерогенного междисциплинарного объекта, предпринимаются попытки сформулировать ее принципы и ключевые идеи [Дридзе 1984, Кожина 2003, Шмелева 1996, 1997].

2. Речь и дискурс. Обратимся теперь к термину-понятию *дискурс*, получившему в отечественной лингвистике широкое распространение под влиянием авторитетных западных научных школ. Существенно, что, несмотря на разли-

чия в методологии, понятийном аппарате, задачах анализа, все они изучают «речь, погруженную в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), иначе, речь в ее детерминированности экстралингвистическими явлениями. Не будет, очевидно, ошибкой сказать, что и отечественные, и зарубежные направления изучения речи / дискурса имеют один и тот же объект и эволюционируют в соответствии с общим вектором развития лингвистики. Не случайно многие языковеды указывают на синонимичность термина “дискурс” терминам “речь”, “текст”, “речевая деятельность” и др. и не включают его в свои исследования как избыточный [Горшков 2001, Костомаров 2005, Романенко 2003 и др.].

Предметные области разных направлений изучения речи / дискурса опять-таки обнаруживают немало совпадений. Частично это можно объяснить тенденцией к экспансионизму: основатели и ведущие представители различных научных школ во многих случаях формулируют предмет своего изучения максимально широко, подчеркивая тем самым фундаментальный характер разрабатываемых концепций. При этом каждая из предлагаемых моделей является программой планируемых исследований. Так, теория речевой деятельности [Основы 1974] первоначально распространялась не только на психолингвистику и теорию речевого общения, но и на стилистику, культуру речи, вопросы массовой коммуникации. Стилистика, согласно некоторым ее интерпретациям [Солганик 1991], охватывает социолингвистику, психолингвистику, лингвопрагматику, культуру речи, риторику, жанроведение. В то же время культура речи рассматривается как область знания, включающая помимо вопросов языковой нормы, учение о стилях языка и речи [Головин 1980], о текстовой деятельности в различных сферах общения [Васильева 1990]. В свою очередь, неориторика определяется как научная дисциплина, на новой основе интегрирующая проблематику функциональной стилистики, лингвистики текста и культуры речи

[Купина, Матвеева 1993]. Анализ дискурса в одной из наиболее известных интерпретаций [Дейк 1989] предстает как исследовательское направление, в котором синтезирована проблематика лингвопрагматики и когнитивистики, и т.д.

Синкретизм подходов к исследованию речи / дискурса, состоящий в частичном совпадении выделяемых сторон речевой действительности, тем самым обнаруживается в близости формулируемых проблем. Примечательно, что в работах последних лет по анализу дискурса [Handbook 2003] нередко обсуждаются вопросы, активно изучавшиеся в русской и чехословацкой функциональной стилистике 1960-70-х гг., в частности, вопрос о стилеобразующей (дискурсообразующей) значимости различных экстралингвистических явлений и о признаках, которые могут быть положены в основу речевой (дискурсной) типологии.

Нужно также отметить, что методы описания фактов, выработанные в той или иной школе дискурсного анализа, легко заимствуются другими научными направлениями как автономные по отношению к общим теоретическим схемам.

Негативным проявлением сложившейся эпистемической ситуации стал эклектизм многих подходов к анализу речи, усугубляемый упрощенным пониманием полипарадигмальности. Однако с другой стороны, эта ситуация стимулирует дальнейшее развитие фундаментальных концепций, уже во многом реализовавших первоначальные цели. Об этом свидетельствует сопоставительное рассмотрение отечественного речеведения (главным образом функциональной стилистики) и западных школ изучения дискурса [Кожина 2008, Чернявская 2011].

Так, по мнению М.Н. Кожиной, функциональной стилистике стоило бы позаимствовать некоторые стороны исследования у французской школы дискурсного анализа, «например, более глубокий историзм и изучение психологической стороны речи, а также – интердискурсивности и имплицитности речи» [Кожина

2008: 198]. В то же время, отмечает автор, в функциональной стилистике и в теоретическом плане, и на конкретном анализе материала более детально проработан вопрос о системности речи. Отметим, что в последнее время он получает статус одной из центральных проблем лингвистической теории [Дементьев 2010].

Интересны замечания В.Е. Чернявской об отличии дискурсных исследований в немецкой лингвистике, а также в близких ей школах от функционально-стилистических: «Дискурс – это конституируемый объект, ... границы дискурса могут устанавливаться по-разному, гибко, подвижно относительно объективно существующих параметров...». Эти границы зависят от того, что видит или не видит субъект познания. Поэтому «дискурсов может быть бесконечно много» [Чернявская 2011: 93]. Что же касается речевых разновидностей, изучаемых стилистикой, то они «коррелируют с базовыми – фундаментальными, онтологически заданными – формами познания и деятельности. Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много» [Чернявская 2011: 94]. Данное сопоставление В.Е. Чернявская завершает выводом: «Функциональный стиль и функциональная стилистика не могут отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [там же].

Продолжая обсуждение этой темы, отметим, что дискурсный анализ дает сегодня импульс развитию тех положений, которые определили разработку функционально-стилистической типологии речи. Важнейшим критерием этой

типологии является, как известно, *форма общественного сознания*. Понятие о ней эксплицировалось в социальной философии, проблематика которой, естественно, не предполагает конкретнаучное исследование той или иной формы сознания как подвижной, варьирующейся системы идей, образов, эмоций, аффективно-когнитивных ориентаций, ценностных установок, норм. На первом уровне классификационного деления такая детализация и не была необходимой, поскольку для разграничения известных функциональных стилей релевантны наиболее общие признаки формы сознания – сами «принципы отображения действительности» (М.М. Бахтин) в искусстве, науке, политической идеологии и т.д. Выделенные по указанному основанию макростили – это общие черты речевой системности текстовых массивов в определенной сфере коммуникации.

Однако существует необходимость изучения многообразных вариантов речевой системности в пределах той или иной сферы, например, вариантов организации научных теоретических и эмпирических текстов в разных областях знания, публицистических текстов, воплощающих тоталитарную, авторитарную или демократическую идеологию и т.д. Это требует развития и конкретизации представлений о воплощаемых в текстах системах идей, ценностей, норм и пр. Как справедливо писала А.Н. Васильева, «уровневому членению должна подвергаться... лингвистическая... и экстралингвистическая сторона речевой коммуникации... На каждой последующей ступени вниз усложняются понятия и речевой системности, и стилистической окраски, и стиля» [Васильева 1982: 41-42]. Значимой в связи с этим становится направленность дискурсного анализа на выявление «всей игры отношений», всей совокупности условий существования высказываний [Фуко 1996]. При этом внимания заслуживают как те ментальные системы, которые охватываются какой-либо канонической формой сознания, так и те, которые не включаются ни в одну из них, в частности, объек-

тивируемое в речевых произведениях экономическое или педагогическое сознание [Имшинецкая 2007, Олешков 2006].

Примечательно, что в последние десятилетия традиционные, во многом догматические описания форм общественного сознания сменились культурологическими их трактовками [Морфология 1994].

Как известно, для образования речевых разновидностей наряду с указанными выше факторами в большей или меньшей степени значимы и многие другие – форма реализации языка (устная, письменная, компьютерная), статус адресанта и адресата, вид контактности, место и время коммуникации, личные мотивы собеседников, их настроение и т.д. Все эти экстралингвистические явления вводятся в функционально-стилистическую типологию как дополнительные параметры, обуславливающие более или менее частные особенности организации речи [Кожина 2008]. Близкую позицию занимал в свое время М.М.Бахтин, отмечавший, что факторы «широкой социальной среды» определяют глубинные пласты структуры высказывания, а факторы «ближайшей ситуации» – егоokkaзионально-стилистические особенности [Бахтин 1993: 95].

В лингвостилистике и шире – в речеведении – разрабатываются, однако, и иные представления о речевой дифференциации, акцентирующие другие закономерности речевой организации [Головин 1980, Земская 1973, Костомаров 2005, Лаптева 1976, Леонтьев 1974, Солганик 1981, Холодович 1967]. Некоторые из концепций, как и ведущие школы дискурсного анализа, допускают выделение сколь угодно большого числа речевых разновидностей по различным основаниям. Так, Б.Н.Головин считал необходимым помимо стилей языка (функциональных стилей) исследовать стили речи. Они, согласно ученому, различаются по видам деятельности, целям и задачам общения, жанрам литературы, ситуациям общения, личностям авторов. В то время как «количество стилей языка

невелико, количество стилей речи очень велико и никем не сосчитано» [Головин 1980: 263]. Нетрудно заметить связь этих положений с мыслями В.В. Виноградова о предмете и задачах стилистики речи [Виноградов 1963].

Ю.М. Скребнев отстаивал мысль о том, что основания стилистической классификации условны, что субъязыков, используемых в тех или иных типах текстов, можно выделить любое количество [Скребнев 1987]. В этой связи обращает на себя внимание многообразие критериев выделения типов высказываний и текстов в современном жанроведении [Жанры 1997 – 2011].

Как видим, речеведческая традиция богата различными подходами к изучению разновидностей речи, в том числе и такими, которые основываются на представлении о конвенциональности классификационных признаков, что сближает эти подходы с распространенной методологией дискурсного анализа. Последний возрождает интерес лингвистов к закономерностям дифференциации речи и раскрывает новые стороны ее системности, включая межтекстовые связи.

Если генезис речеведения определялся главным образом идеями русской и чешской функциональной лингвистики (Московского лингвистического кружка, ОПОЯЗа, ПЛК), а также выступившей с социологических позиций «школы Бахтина», то исследования, получившие наименование дискурсного анализа, стали появляться в контексте лингвистической, социологической и философской проблематики западной науки второй половины XX в (см. аналитические обзоры в работах: Карасик 2004, Макаров 2003, Степанов 1995, Чернявская 2003 и др.). Указанные лингвистические течения взаимодействуют. Дискурс-анализом, как известно, были восприняты идеи М.М. Бахтина [Серио 2002] и русских формалистов [Дейк 1998].

Можно констатировать, что разные национальные школы в соответствии со своими теоретическими установками изучают единый объект – речь в социокультурной среде, т.е. дискурс, нередко фиксируя в этом объекте совпадающие предметные области.

3. Проблематика культуры речи и многогранность культуры. Вектор развития лингвистики с последней четверти минувшего века – переключение внимания исследователей с системы языка на речь и затем на текстовую деятельность и общение – отчетливо проявился в изменении проблематики и уточнении предмета ряда речеведческих дисциплин, в том числе теории культуры речи. Продолжительное время в этой науке господствовало нормативно-языковое направление, главной задачей которого было изучение норм литературного языка на основе описания стилистической дифференциации и вариативности единиц всех уровней языковой системы. Постепенно акцент сместился на языковую структуру речи и ее коммуникативные качества в различных сферах и ситуациях общения [Головин 1977, 1980, Ширяев 1992, Культура 1996 и др.]. В последние десятилетия стали разрабатываться также вопросы ортологии текста [Васильева 1990, Купина, Матвеева 1993, Матвеева 2000 и др.].

Нормативное описание строя языка в аспекте функционального потенциала языковых средств в значительно меньшей мере ориентировано на социокультурный контекст, чем рассмотрение навыков их употребления в различных условиях общения и тем более чем изучение коммуникативно целесообразной организации текста, который и с семиотических [Мурзин 1994], и с коммуникативных [Дридзе 1984] позиций может быть интерпретирован как компонент культуры.

В исследованиях отечественных и чешских ученых задача стабилизации норм литературного языка [Гавранек 1964], содействия формированию в нем

разнообразных средств, отвечающих целям коммуникации, подчинена необходимости приобщения людей к культурным достижениям общества. В этом случае культура понимается как определенный уровень развития социума и творческих способностей человека, а язык – как орудие культуры.

Г.О. Винокур в русле телеологического подхода к языку развивал мысль об активно целесообразном отношении его носителей к норме. В трактовке ученого культура языка – это «своего рода “лингвистическая технология”, на основе научного знания решающая ключевые вопросы социального речевого... “поведения”» [Винокур 1925: 5]. Здесь акцентируется технологическая сторона культуры – способ осуществления и воспроизведения человеческой деятельности в соответствии с определенными нормами (моделями, образцами). Она отражена в понятиях *речевого жанра* как культурного образца, формы, в которую отливается наша речь [Бахтин 1979] и *стиля* как способа интеграции текста [Гаузенблас 1967]. Технология текстовой деятельности, подчиненная задаче эффективной вербальной коммуникации, совмещается с другими проявлениями человеческого существования, которое «только в редких случаях не сопровождается языковыми действиями» [Хага Ясуси. Цит. по: Неверов 2005: 29].

Обращение к единицам коммуникации – высказыванию и тексту – приводит к вопросам этики взаимодействия людей и эстетики речевого творчества. Органичная связь теории общения (диалога) и нравственной философии была раскрыта М.М. Бахтиным в работах первой половины 1920-х гг. Высказывание мыслилось им как поступок, совершаемый человеком в ценностном контексте событий его жизни: «Единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте – в научном, художественном, политическом и ином, – или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах отдельное высказывание живо и осмысленно: оно ис-

тинно или ложно, красиво или безобразно, искренне или лукаво, откровенно, цинично, авторитетно и проч.» [Бахтин 1994: 294]. Позднее текст как поступок интерпретировал и С.Л. Рубинштейн [2002: 445]. Как видим, в понятии культуры актуализирован ценностный аспект.

На эту ее сторону ориентированы в современной лингвистике категории *языкового вкуса эпохи* – меняющегося идеала пользования языком как важной причины изменений узуса и языковой нормы [Костомаров 1994] и *риторического идеала* – образа прекрасной речи, «некой иерархии ценностей – требований к речи и речевому поведению людей» [Михальская 1996: 43]. Убедительна мысль В.В. Дементьева о том, что эстетическая оценка – обязательный элемент содержания человеческого общения [Дементьев 2005].

В настоящее время исследовательская программа в области культуры речи наряду с языковым и ситуативным включает этический и эстетический компоненты [Матвеева 2003, Хорошая 2001]. Правда, если понятия языковой нормы и коммуникативной ситуации рассматриваются как собственно лингвистические, то вопрос о возможной степени освоения теорией речи проблем смежных наук остается непроясненным. Он остро стоял перед М.М.Бахтиным [1993: 108-109, 1994: 293-318], Г.О. Винокуром [1990], Б.Гавранekom [1963: 258] и остается дискуссионным сегодня.

С одной стороны, обнаруживается стремление лингвистов сохранить определенность предмета и методологии своей науки и в связи с этим остановить ее экспансию в гуманитарное и социальное знание. Как отмечает В.Е.Чернявская, «для современной ситуации дискурсно ориентированных исследований, например в немецкой германистике, характерна совершенно отчетливая тенденция отграничивать понимание дискурса в философии и социологии по М. Фуко, Ю. Хабермасу и др. от лингвистических подходов к дискурсу... Своего рода линия

демаркации... задается вопросом: “сколько от Фуко заключено в данном дискурсивно ориентированном подходе?”. Если “Фуко”, т.е. “социологии”, слишком много, этот подход отмежевывается от собственно лингвистической науки» [Чернявская 2011: 89]. Указанное ограничение обычно соблюдается «по умолчанию», без специального обоснования: лингвистической считается проблематика, которая к сегодняшнему дню утвердилась в лингвистике, хотя во многих случаях она лишь косвенно связана с анализом языкового кода.

С другой стороны, формируется лингвистика общения, изучающая взаимодействие адресанта и адресата с помощью речевых высказываний [Формановская 2009]. Она, по-видимому, не может быть сколько-нибудь четко отделена от общей теории коммуникации, поскольку рассмотрение актуализации ментального (духовного) взаимодействия людей обязательно предполагает обращение к его содержательным аспектам.

Об этом свидетельствуют работы А.Н. Васильевой, которая интерпретирует текст с точки зрения отношения его автора к другому человеку, к социуму и оценивает содержание речевого произведения как истинное или ложное, соответствующее общественно оправданным целям и этическим нормам или противоречащее им [Васильева 1984, 1990]. Согласно ее концепции, в предмете культуры речи могут быть выделены три основных уровня – нормативно-языковой правильности; оптимальной реализации коммуникативных целеустановок; качества этих целеустановок и продуцируемого содержания речи, т.е. их соответствия моральным ценностям и нормам [Васильева 1984: 28].

На последнем уровне речевое произведение является элементом культуры в ее аксиологической трактовке. Очевидно, что анализ содержания текста в этом аспекте таит в себе опасность толкования морали на основе официальной идеологии определенной общественно-политической системы. Важно поэтому, что-

бы методология исследования имела собственно научные – теоретико-философские, а не сиюминутно-идеологические – предпосылки. На наш взгляд, базовым для филологической герменевтики может быть понимание культуры как гуманистической ценности [Спиркин 2008].

С философских позиций систематический анализ современного гуманизма представил В.А. Кувакин [1998]. Исходное положение его концепции состоит в том, что назначение, сущность и ценность человека заключены в самом человеке. Гуманность «связана с утверждением существования личности, с ее признанием, сохранением, поддержанием, укреплением, обогащением, тогда как негатив, антигуманность так или иначе, прямо или косвенно связана с подрывом, с разрушением, уничтожением, отрицанием существования человека» [Кувакин 1998: 167]. В содержательном отношении «гуманизм представляет собой определенную сумму общечеловеческих ценностей, обычных (простых) нравственных норм, идей или принципов поведения. Их статус, особенно с точки зрения происхождения, до сих пор остается неясным, хотя реальность базовых ценностей гуманизма отрицать невозможно» [указ соч.: 98]. Нет абсолютно человеческих или бесчеловечных людей: речь может идти «о преобладании, борьбе, балансе и дисбалансе в личности того и другого» [там же]. Гуманизм есть попытка обеспечить преобладание человеческого в личности.

Итак, для исследований по культуре речи характерно интегральное понимание культуры как уровня развития общества, способа осуществления и воспроизводства социальной деятельности в соответствии с ее нормами, совокупности человеческих ценностей. При этом в последнее время усиливается тенденция осмысления высказывания (текста) как поступка и все более широкого включения в анализ аксиологических понятий.

4. *К экспликации понятия «речевая антикультура»*. Как отмечает А.Г.Спиркин, культура стала противопоставляться антикультуре в контексте идей О. Шпенглера – его предсказаний «заката Европы», гибели высоких духовных ценностей, их замещения ценностями цивилизации. Понятие антикультуры связано с представлением о дегуманизации жизни, замене творчества повторением, духовности практицизмом. Если «культура в ее широком смысле являет собой гуманистически ориентированную ценность», то «все, что разлагает эту ценность, есть антикультура» [Спиркин 1998: 767-768].

Что же такое *речевая антикультура*?

Будем исходить из того, что вербальная коммуникация – это прежде всего взаимодействие людей, осуществляемое поступками в форме высказываний (текстов). Поступок, в том числе речевой, есть действие, которое выражает отношение человека к другим людям, к моральным нормам [Рубинштейн 2002]. Поэтому этическое содержание речевых поступков отнюдь не является периферийным элементом содержания высказывания как единицы речевого взаимодействия и не должно, очевидно, составлять периферию проблематики вербальной коммуникации.

Семантика речевого поступка определяется мотивационной и целевой подоплекой высказывания, которая, в свою очередь, обусловлена ценностями говорящего как критерием его интенций и целей [Салимовский 2009].

В аксиологическом отношении речевая антикультура – это вербальная объективация антиценностей – этических, бытийных и др. (см. их характеристику в указанной работе В.А. Кувакина).

Особое место среди антиценностей занимает *враждебность* [Мишланов, Салимовский 2006], так как, являясь ориентацией на причинение вреда другому

человеку, она непосредственно соотнесена с этической категорией *зла*. Враждебность образуют эмоции гнева, отвращения и презрения, находящие выход в агрессивных действиях [Изард 2002].

Технологический аспект речевой антикультуры связан с нормами (образцами) вербального взаимодействия на основе тех или иных антиценностей и с репродуктивными речевыми практиками реализации этих норм.

С точки зрения развития отдельного человека и общества речевая антикультура – это неразвитость интеллекта, духовных качеств, вкуса, проявляющаяся в пошлости [Бегун 2009]. На поверхностно-речевом уровне – это слабое владение речевыми нормами и неосвоенность правил правописания.

Существенно, что люди с неразвитой культурно-речевой компетенцией обычно склонны оценивать ее как *нормальную*, отвечающую требованиям своей среды (в том числе социальных групп девиантного поведения).

Речевая антикультура может быть проявлением эпатажа – демонстративным отрицанием собственной речевой практикой культурных ценностей и норм.

У речевой антикультуры есть институциональная поддержка, например, неписанные законы желтых СМИ, фактические правила организации общения на интернет-сайтах.

В качестве примера речевой антикультуры используем материал портала Rambler – комментарии читателей к информационному сообщению «Серия нападений на полицейских произошла в Москве» (URL: <http://news.rambler.ru/10242059/> Дата обращения: 19.06.2011).

В левой части страницы сайта (см. рисунок) под текстом заметки помещена фотография, ниже – ссылка на газетную статью, фрагмент которой представлен как заметка. Далее публикуются выбранные редактором (модератором) пять комментариев.

По ссылке заинтересованный пользователь может перейти ко всему корпусу читательских отзывов. Их более тысячи.

Приведем комментарии, размещенные в окне модератора.

Нецензурную лексику будем заменять знаком ●, номинации социальных групп и производные от них слова с презрительной, уничижительной стилистической окраской знаком ■. Вместо общепринятых (литературных) обозначений любых социальных групп используется несуществующее название *вагал*, вместо имен собственных – знак *K*.

Alex bellkov

Любого ■ даже после мелкого административного нарушения нужно пожизненно выселять на историческую родину- без права появления в России. Страну давно пора почистить от мусора.

Подумаю Завтра

Кто из ■ уважает наших ■, они их знают, как никто. «Пострадавшие» ■ пожалуются своим диаспорским боссам и наши ■ будут обязаны просить прощения за притеснения на национальной почве.

Юрий Михайлович Кац

Совсем • ■ ! Сделать визовый режим, чтобы на работу приезжали только по приглашению работодателя. В случае нарушения режима отправлять в родную ■, горы охранять. И запретить пожизненно въезд на территорию РФ, даже транзитом. Только так с ними надо поступать. Из всех приезжих, по-моему только вагалы понимают, на каких условиях они здесь находятся, поэтому особо не борзеют. Остальным нужно урезать права до минимума.

Кирилл Бобриков

из четырех описанных преступлений 50% совершили вагалы (приезжие, ■) – и нас хотят заставить быть толерантными?

да пошли они...

Маман, зачем ты меня родила?

Сколько надо надавать оплеух полиции, чтобы они поняли, что ■ - суть порождение дьявола?

Главный признак речевой антикультуры – ценностно-этический. Все рассматриваемые тексты, как и абсолютное большинство других комментариев к

заметке, враждебны и агрессивны. В данном случае враждебность – проявление националистического речевого поведения. (Оно вызвано сообщением о том, что среди правонарушителей были мигранты.) Но враждебность может выражаться, в сущности, по любому поводу и в самых разных формах, например, в форме неприкрытого злорадства, «стёба», сентенций в связи с болезнью или смертью известного человека (артиста, ученого):

Умница Красавица

Пора в ящик

Евгений

● а как вы думали, всю жизнь курить, бухать, кавалэров менять, ● расплачиваться надо за это только здоровьем...

Птица

[О скончавшемся ученом] Написал всякое ● для избранных... Этот ваш **К** тоже лечился от сифилиса четвертой стадии...?

Технология продуцирования подобных текстов состоит в массовой актуализации социальных стереотипов и предрассудков: *вагалы такие-то и такие-то; К болеет, потому что прожигал жизнь* и под. Это во многом объясняет пошлость высказываний.

Низкий уровень знаний коммуникантов проявляется не только в содержании их суждений, но и в правописании (*мы згнили, веры вам нет не какой, те не деруться, поучится все таки нужно вам*).

Обсуждение на сайте тех или иных сообщений регулируется модератором. Он выносит на первую страницу комментарии, которые задают тон «дискуссии». Часто эти тексты имеют языковые и речевые признаки нарушения не только этических, но и правовых норм (в приведенных примерах – использование слов, унижающих достоинство человека по национальному признаку, призывы к дискриминации выходцев с Кавказа и из Средней Азии). Модератор, по существу, выступает в роли организатора «диспута»: он предоставляет трибуну (окно на первой странице) тем, чьи высказывания, с его точки зрения, должны вызвать интерес и желание поддержать разговор. Вопреки публикуемой на сайте инструкции, он не блокирует комментарии с нецензурной лексикой, оскорбления, угрозы, пропаганду расизма [Салимовский, Ермакова 2011]. Иными словами, редакторы сайта предоставляют место для массового публичного общения, участники которого освобождаются от соблюдения этических и правовых норм. Этим достигается увеличение числа пользователей.

Приведенный материал, на наш взгляд, иллюстрирует основные признаки речевой антикультуры.

***

Резюмируем сказанное. Эволюция речеведческой проблематики от употребления языковых единиц к организации текста и процессам речевого общения сопровождается включением в анализ все более широкого круга экстралингвистических явлений. Объектом изучения многих отечественных и зарубежных лингвистических школ стал дискурс в широком значении термина (понимаемый как «речь, погруженная в жизнь»). В области культуры речи эта тенденция проявилась в интересе исследователей не только к вопросам нормативно-языковой правильности, но и к коммуникативным качествам речи, к определению и описанию признаков оптимального текста в различных условиях ком-

муникации, а также к этическому содержанию высказывания (текста) как единицы общения.

Лингвистические исследования охватывают разные стороны культуры – уровень развития общества и личности, технологию воспроизводства социальной деятельности, ценностные основания последней. Понимание культуры как гуманистически ориентированной ценности предполагает использование и противоположного понятия – антикультуры, т.е. «отрицательной ценности».

В предварительном плане речевая антикультура может быть истолкована как такое вербальное взаимодействие, при котором выбор целей определяется антиценностями (нравственными, бытийными, эстетическими и др.). С точки зрения развития личности речевая антикультура характеризуется низким уровнем коммуникативно-речевой компетенции, оцениваемым общающимися людьми как достаточный, отвечающий их потребностям.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Речь / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 414-416.
2. Бахтин, М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М.М. Бахтин // Он же. Работы 1920-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 259-318.
3. Бахтин, М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка / М.М. Бахтин. – М.: Лабиринт, 1993. – 206 с.
4. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Он же. Эстетика словесного творчества. – М.: «Искусство», 1979. С. 237- 280.

5. Бегун, В.В. Пошлость и «наивный цинизм» как деструктивные качества журналистского текста / В.В. Бегун // Этика речевого поведения российского журналиста. – СПб.: Астерион, 2009. С.167-192.

6. Васильева, А.Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики / А.Н. Васильева // Основные понятия и категории лингвостилистики / Перм. ун-т, Пермь, 1982. С. 34-42.

7. Васильева, А.Н. К обоснованию функционального направления в теории и практике преподавания культуры речи / А.Н. Васильева // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях / Перм. ун-т, Пермь, 1984. С. 19-31.

8. Васильева, А.Н. Основы культуры речи / А.Н. Васильева. – М.: Рус. яз., 1990. – 248 с.

9. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В.Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963 – 255 с.

10. Винокур, Г.О. Культура языка / Г.О. Винокур. – М.: Работник просвещения, 1925. – 215 с.

11. Винокур, Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология / Г.О. Винокур // Он же. Филологические исследования. – М.: Наука, 1990. С. 22-31.

12. Гаузенблас, К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования / К. Гаузенблас // Вопросы языкознания. 1967. №5. С.69-75.

13. Головин, Б.Н. Основы теории речевой культуры / Б.Н. Головин. – Горьк. ун-т. Горький, 1977. – 64 с.

14. Головин, Б.Н. Основы культуры речи / Б.Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1980. – 336 с.

15. Горшков, А.И. Русская стилистика / А.И. Горшков. – М.: Астрель, 2001. – 368 с.
16. Дейк, Т.А. ван. Новости как тип дискурса / Т.А. ван Дейк // Он же. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. С. 111-156.
17. Дементьев, В.В. О поэтике человеческого общения / В.В. Дементьев // Stylistyka, 2005, XIV. С. 121-150.
18. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
19. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
20. Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997 – 2011. Вы. 1 – 7.
21. Земская, Е.А. Введение / Е.А. Земская // Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. С. 5-39.
22. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2002. – 464 с.
23. Имшинецкая, И.А. Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях: Автореф. дис... канд. филол. наук / И.А. Имшинецкая. – Пермь, 2007. – 22 с.
24. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
25. Кожина, М.Н. К основаниям функциональной стилистики / М.Н. Кожина. – Перм. ун-т. Пермь, 1968. – 251 с.

26. Кожина, М.Н. Итоги и перспективы речеведения / М.Н. Кожина // Проблемы речевой коммуникации – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 34-46.
27. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
28. Кувакин, В.А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма) / В.А. Кувакин. – СПб.: Алетейя, М.: Логос, 1998. – 360 с.
29. Купина, Н.А., Матвеева, Т.В. От культуры речи к новой русской риторике / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. Вып. 25. С. 45-54.
30. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.
31. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
32. Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М.: Норма-Инфа, 1998. – 560 с.
33. Лаптева, О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 398 с.
34. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 216 с.
35. Леонтьев, А.А. Функции и формы речи / А.А. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. С. 241-254.

36. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
37. Матвеева, Т.В. Об ортологии текста / Т.В. Матвеева // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 21-29.
38. Матвеева, Т.В. Культура речи / Т.В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 186-190.
39. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
40. Мишланов, В.А., Салимовский, В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен / В.А. Мишланов, В.А. Салимовский // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2006, с. 56-66.
41. Мурзин, Л.Н. Язык, текст и культура / Л.Н. Мурзин // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: Ин-т развития регионального образования, 1994. С. 160-169.
42. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
43. Михальская, А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. – М.: Academia, 1996. – 192 с.
44. Морфология культуры: Структура и динамика. – М.: Наука, 1994. – 415 с.
45. Неверов, С.В. Общественно-языковая практика современной Японии / С.В. Неверов. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.

46. Олешков, М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса / М.Ю. Олешков. – Нижнетагильская гос. соц.-пед. акад. Нижний Тагил. 2006. – 336 с.
47. Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
48. Речеведение: современное состояние и перспективы / Перм. ун-т. Пермь, 2010. – 538 с.
49. Романенко, А.П. Образ ратора в советской словесной культуре / А.П. Романенко. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 430 с.
50. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
51. Салимовский, В.А. Речевое воплощение личности (мотивационный аспект) / В.А. Салимовский // Я и Другой в пространстве текста / Перм. ун-т; Ун-т в Любляне. Пермь, Любляна, 2009. С. 347-364.
52. Салимовский, В.А. Функциональная стилистика как речеведение / В.А. Салимовский // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5. С.202-207. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive.htm> (дата обращения: 8.09.2011).
53. Салимовский, В.А., Ермакова, Л.М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета / В.А. Салимовский, Л.М. Ермакова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3. С. 71-80. URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive.htm> (дата обращения: 8.09.2011).
54. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО Иг «Прогресс», 2002. С. 12-53.

55. Скребнев, Ю.М. Стилистика текста и лингвистическая стилистика / Ю.М. Скребнев // Стилистика текста в коммуникативном аспекте/ Перм. ун-т, Пермь, 1987. С. 33-41.

56. Солганик, Г.Я. К проблеме типологии речи / Г.Я. Солганик // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 70-79.

57. Солганик, Г.Я. О предмете и структуре русской стилистики / Г.Я. Солганик // Synteza w stylistyce słowiańskiej / Instytut filologii polskiej. – Opole, 1991. S. 49-56.

58. Спиркин, А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М.: Гардарика, 1998. – 816 с.

59. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. С. 35-73.

60. Тарасов, Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации / Е.Ф. Тарасов // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. С. 255- 273.

61. Формановская, Н.И. Движение науки: к становлению лингвистики общения / Н.И. Формановская // Речевое общение и вопросы экологии русского языка/ Сибирский федеральный ун-т. Красноярск, 2009. С. 329-336.

62. Холодович, А.А. О типологии речи / А.А. Холодович // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1967. С. 202-208.

63. Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 320 с.

64. Чернухина, И.Я. Виды речемыслительной деятельности и типология текстов / И.Я. Чернухина // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: Ин-т развития регионального образования, 1994. С. 60-80.

65. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки. 2003. №3. С. 68-76.

66. Чернявская, В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. 2011. №3. С. 86-95. URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011/cernavskaa-v-e> (дата обращения: 8.09.2011).

67. Ширяев, Е.Н. Культура русской речи: теория, методика, практика / Е.Н. Ширяев // Изв. РАН. Сер. Л. и Я. Т 51. 1992. №2. С. 36-46.

68. Шмелева, Т.В. Речеведение / Т.В. Шмелева. – Новгород. ун-т. Новгород, 1996. – 21 с.

69. Шмелева, Т.В. Речеведение: в поисках теории / Т.В. Шмелева // Stylistyka VI. – Opole, 1997. S. 301-313.

70. Шмелева, Т.В. Так что же такое речь? / Т.В. Шмелева // Речеведение: Научно-методические тетради. №1. – Великий Новгород: НРЦРО, 1999. С. 5-15.

71. Havránek, V. Studie o spisovném jazyce. / V. Havránek. – Praha, 1963. – 371 s.

72. Stylistyka, 1997, VI – Russian Stylistics; 1998, VII – Slavic Stylistics; 2000, IX – Czech Stylistics.

73. The Handbook of Discourse Analysis. Edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, Heidi E. Hamilton. Blackwell Publishing, 2003. – 872p.

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ РУНЕТА⁴

(В соавторстве с Л.М. Ермаковой.)

Показано, что в Рунете экстремистские тексты свободно размещаются не только в блогах тех или иных пользователей, но и на сайтах крупнейших Интернет-компаний. К настоящему времени сложились речевые практики комментирования общественно значимых событий, предполагающие, как правило, выражение эмоций враждебности и вербальную агрессию. Среди распространенных экстремистских практик – использование ников и аватаров с именами и фотографиями нацистских преступников, призывы к насилию по отношению к представителям государственных органов, а также национальным меньшинствам, рассказы об этих меньшинствах, включающие слова и выражения, унижающие национальное достоинство, оскорбления, угрозы, пропаганда нацистской идеологии. Обосновывается необходимость использования в Сети компьютерных программ (фильтров), удаляющих заведомо противоправные тексты из публичного пространства. Описан способ фильтрации экстремистских текстов.

1. Определение понятий. В наиболее общем значении *дискурс* – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 2000: 137]. Предметом различных концепций дискурсивного анализа являются разные стороны речи, рассматриваемой в единстве с социальными и психологическими факторами [Квадратура 2002, The Handbook 2003 и др.]. Мы будем понимать дискурс как совокупность социальных речевых практик, воплощающих анонимные правила организации речи (текста), – правила, определяющие, *что* и *как* следует говорить или писать в типовой коммуникативной ситуации.

Понятие *экстремистской деятельности* (экстремизма) охватывает ряд деяний [О противодействии 2002; О внесении 2006], среди которых в вербальной (и шире – знаковой) форме наиболее часто совершаются:

---

⁴ Статья опубликована в журнале: «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология». 2011, Вып.3 (15), с. 71-80.

- ◇ возбуждение расовой, национальной или религиозной розни;
- ◇ унижение национального достоинства;
- ◇ пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- ◇ пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- ◇ публичные призывы, побуждающие к осуществлению деяний, квалифицируемых законом как экстремистские, в том числе к насилию в отношении представителей государственной власти.

Дискурс вражды – это такой дискурс, который выражает враждебное отношение одних людей к другим и / или в соответствии со своей целеустановкой содержит явно несправедливые оценки, обидные утверждения и пр. и потому закономерно вызывает вражду [Мишланов, Салимовский 2006]. **Враждебность** является комплексной аффективно-когнитивной ориентацией человека. Ее основные конститuentы – эмоции гнева, отвращения и презрения, аффективно-когнитивные структуры [Изард 2002].

Под **экстремистским дискурсом** мы понимаем часть дискурса враждебности – практики, представленные высказываниями и текстами, имеющими признаки противоправных (экстремистских) деяний.

Массовая коммуникация – разновидность общения, основными признаками которого исследователи обычно считают: массовую аудиторию, социальную значимость передаваемой информации, использование технических средств

(СМИ, Интернета), многоканальность связи (визуальный, аудиотивный, аудио-визуальный каналы) [Конецкая 1997, Шарков 2004 и др.]. В настоящее время массовая коммуникация уже не является однонаправленной: адресат, принимая радио- или телевизионные передачи, получая информацию в Интернете, имеет возможность активно участвовать в публичном общении. Так, широко практикуются телефонные звонки в студию с включением адресата в прямой эфир; СМС, посылаемые журналисту-ведущему; предшествующие радио- или телепередаче вопросы от пользователей Интернета; голосование в эфире и на сайтах; комментарии к транслируемым в Интернете сообщениям информационных агентств, к постам в блогах и др. Журналисты печатных СМИ не ограничиваются публикацией писем читателей, но ищут новые жанровые формы и речевые тактики взаимодействия с массовым адресатом [Майданова 1994, Чепкина 1997]. Появляются Интернет-газеты и электронные версии традиционных изданий, предполагающие коммуникативную активность читателей.

В последующем изложении мы будем приводить экстремистские высказывания, заменяя в них нецензурную лексику знаком ●; номинации социальных групп (этнических, религиозных и др.) с презрительной, уничижительной стилистической окраской знаком ■; номинации политических партий с аналогичной стилистической окраской – знаком —. Имена собственные заменяются знаком **К**. Оскорбительные наименования известных политиков, общественных деятелей – знаком **К***. Вместо общепринятого (литературного) обозначения национальной или конфессиональной принадлежности человека используются несуществующие названия *ламинец (ламинцы), вагал (вагалы)*. Без этих изменений мы приводим высказывания, ставшие объектом судебных разбирательств. Орфографические, пунктуационные и речевые ошибки не исправляются.

2. Типичные примеры экстремистского дискурса в Рунете.

Помещаемые в Интернете сообщения информационных агентств комментируются читателями. Зайдя на сайт какого-либо медиа-холдинга и прочитав новости, пользователь может познакомиться с откликами на них посетителей сайта и оставить свой комментарий.

Ниже приводим некоторые комментарии к сообщению агентства Интерфакс «Московская милиция опасается несанкционированных акций радикальной молодежи в пятницу», размещенному на сайте Rambler (<http://news.rambler.ru/8995110/comments/> Дата обращения: 11.02. 2011):

ктовиноват ичтоделать

9 минут назад #

Быть или не быть? Бить или не бить? - Поменьше задавать вопросов.

Сергей Овсянников

38 минут назад #

[Транслируются лозунги скинхедов]

Александр Невский

45 минут назад #

Зашевелились упыри, забегали, земля уходит из под ног так это не ваша земля... домой пора вам ■.

Александр -

1 час назад #

У **K*** • [«руководители страны нас боятся»] А оно и понятно.
Когда тебя хотят убить 140 млн. людей.

Миша Кроха

1 час назад #

...ну • мимо нас трубопровод тянут, я с кентами договорился как его зака-
пают, будем взрывать, достали эти политики, на нас им реально •

Емельян Пугачёв

2 часа назад #

Первое-это собрать всех вагалов и отправить обратно... И второй вариант-
собрать всех вагалов и отправить в печи... Что не нравятся мои предложения?

Емельян Пугачёв

2 часа назад #

Кто согласен и не равнодушен к будущему страны-помогайте мне подни-
мать народ... Предлагаю конкретно выйти [указывается время и место] и ска-
зать НЕТ **K*** режиму.

Размещение такого рода комментариев на сайтах ведущих Интернет-
компаний является обычной практикой. Их «удельный вес», как правило, значи-

телен при обсуждении публикаций, посвященных межнациональным отношениям, работе милиции, органов государственной власти, а также затрагивающих деятельность политиков, бизнесменов. В данной тематической области абсолютно доминирует дискурс враждебности, при этом входящие в него экстремистские тексты выделяются предельной речевой агрессией. (О ступенях речевой агрессии см: [Купина, Енина 1997].)

Что касается блогосферы – ее сектора, посвященного общественно-политическим темам, – то здесь доля экстремистских текстов особенно велика. Она, разумеется, неодинакова на разных сайтах. К сожалению, лишь в единичных случаях блоггер полностью исключает эти тексты из публичного пространства. Между тем в нацистских порталах их доля составляет все сто процентов. Размещаемые тут статьи, посты, комментарии отличается особой дерзостью:

убей ■ - защити Россию!!!

что за это с ними делать? Спокойно убивать;

убивайте вагалов убивайте вагалов убивайте вагалов убивайте вагалов;

● я вашего... [имя Бога в чужой религии] ● я вашего... ● я вашего... ● я
вашего... ● я вашего...

хороший ■ – мертвый ■;

■ ●, ●●, ● меня уже, ●●, пускай ●, ● валить их надо

■ ●, ●● отсюда в свою ●... Мы вас всех перегазим ●, запомните и ваши ●
могилы ● [загадим].

3. Дискурсивные практики Интернет-комментариев на социально-политические темы. Комментарий – это «рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-н.» [Ожегов, Шведова 2003: 287]. Они могут быть аналитическими и стереотипными, глубокими и поверхностными, уважитель-

ными к людям и этически неприемлемыми. Мы покажем, что в массовой коммуникации Рунета культивируются стереотипные неэтичные речевые реакции на публикуемые сообщения, навязываются новые правила речевого поведения – агрессивного, враждебного. Основным механизмом этих процессов состоит в том, что размещаемый на сайте первичный текст (информационное сообщение или пост), как правило, включает в себе программу его комментирования в форме речевой актуализации сложившихся в массовом (групповом) сознании стереотипов и предрассудков.

В психологии под стереотипом понимается «мнение о личностных качествах какой-либо группы людей» [Майерс 2005: 777]. Стереотип основан на обобщении, которое часто является чрезмерным и неточным (англичане замкнуты, профессора рассеяны и под.). Предрассудок же – это антипатия, порождаемая негибким обобщением. Суть предрассудка – «в негативном предвзятом мнении о какой-либо группе и о ее отдельных представителях» [Майерс 2005: 385].

Если автор комментария не разделяет ошибочное обобщение, укоренившееся в сознании коммуникантов, и оспаривает предрассудок, то он подвергается санкциям: в лучшем случае его игнорируют, в худшем – по отношению к нему проявляют агрессию. Конечно же, существуют блоги, в которых не нарушаются правила культурного общения. Они представляют собой своего рода «клубы» с ограниченным числом членов («друзей»). Так чаще всего организуется коммуникация в социальных сетях. Однако при свободной регистрации посетителей сайта блогговое пространство, как правило, захватывают пользователи, насаждающие предрассудки группового сознания и ведущие себя агрессивно.

Для демонстрационного анализа мы используем сначала материал экстремистского веб-сайта, а затем уважаемого портала Rambler и укажем на

проявление одних и тех же закономерностей. Объектом исследования будут комментарии, посвященные милиции – как ни странно, одной из наименее защищенных от экстремизма социальных (профессиональных) групп.

На экстремистском сайте размещена фотография милицейской машины с надписью на дверце: «дежурная часть Пыталово». Над фотографией бранное высказывание. Открыто поле для комментариев. Их характер, естественно, предопределен целеустановкой создателей сайта – инициировать вербальную атаку на милицию:

Всех ментов на кол!!!

Все менты ●●●

●●● эти менты, сгнили бы ●●, просто всех повесить и расстрелять.

Единичные корректные комментарии (*...По профессии нельзя судить о человеке! Мало ли кто когда вам сделал что-то плохое, это не значит, что все остальные такие же...*) сопровождаются новым взрывом агрессии:

Менты – это ●●, ●●, ● [бить] их нещадно ●

Теперь обратимся к portalу Rambler. Среди новостей дня – сообщение «Колокольцев опроверг слухи о ПИДРах в полиции» (<http://news.rambler.ru/9049895/> Дата обращения: 18.02.11). Искусственная (вымышленная) аббревиатура ПИДР – полицейский инспектор дорожного регулирования – воспроизводит вульгарно-просторечный и жаргонный пароним, употребляемый как бранное слово в значении «гомосексуалист» [Мокиенко, Никитина 2003: 250]. Данное слово становится ключевым в сотнях комментариев:

ского народа» (<http://news.rambler.ru/8546320/comments/> Дата обращения: 22.12.10), «Босс исламского ТВ обезглавил жену, подавшую на развод» (<http://news.rambler.ru/8959396/comments/> Дата обращения: 08.02.11). Речевые реакции на эти заметки предопределены: *К. - вагал. он за баранов черных; Муфтия заставить жить в свинарнике и кушать свинину; Ламинская, вагальская традиция допускает избиение женщины; и пр.*

В подобных случаях тема первичного текста закономерно модифицируется читателями в соответствии с улавливаемой авторской интенцией и распространенными предубеждениями: не «милиция», а «бандитская милиция», не «религия», а «опасная религия» и т.п. В сущности, коммуникантам предлагается не размышлять над каким-либо социальным явлением (событием), а выразить отрицательные эмоции и проявлять агрессию.

Важно учитывать, что первичный текст и комментарии к нему образуют целостность, сверхтекст, обычно характеризующийся единой модальной установкой [Купина, Битенская 1994]. Так, в журналистской заметке то или иное описываемое событие предстает как репрезентация и утверждение в дискурсивном поле стереотипа (предрассудка), определяющего толкование читателем содержащихся в сообщении сведений. Господствующей тональностью комментариев становится выражение эмоций враждебности. В результате складываются и начинают доминировать негативнооценочные и агрессивные дискурсивные практики комментирования социально значимых событий.

Генезис этих практик, вероятно, связан с журналистской стилевой манерой, именуемой стебом, «когда в лихом, разухабистом стиле пишут о политике, катастрофах, убийствах... Такая манера исподволь навязывает агрессивнонигилистическое отношение ко всем явлениям – как отрицательным, так и положительным...» [Солганик 2000: 16]. В блоговых комментариях эта манера

письма «копируется» с дальнейшим снижением уровня речевой культуры (*достали уже, мля; кругом одно фуфло*): большинство комментаторов – носители обиходного ее типа [Сиротинина 2003], владеющие лишь разговорной речью, не привыкшие выражать мысли в монологической форме и не умеющие грамотно писать.

Сформировавшись, эти практики осуществляются и тогда, когда первичный текст в явном виде не воспроизводит предрассудки массового сознания и непосредственно не провоцирует речевую агрессию. Став привычными, они уже не обязательно мотивируются замыслом журналиста, далеко не всегда связаны с главной темой текста, но могут быть реакцией на любую из микротем, в том числе периферийную [Васильева, Салимовский 2011]. Установка на враждебность, присущая таким комментариям, находит стимул для реализации в фактуальном содержании любого текста общественно-политической тематики.

В результате в массовой Интернет-коммуникации складывается своя субнормативность, противоречащая этическим и правовым нормам. Укажем наиболее характерные типы противоправных (экстремистских) высказываний – наиболее часто встречающиеся “языковые игры” [Витгенштейн 1994] (приводимые ниже примеры с сайта Rambler обычны для всех ведущих ИТ-компаний):

◇ Устрашающие и эпатирующие ники (Гитлер, Фон-Рибентроп, Бен Ладен, киллер, бью козлов – своих спасаю – как модификация лозунга, направленного против национальных меньшинств, и под.), аватары в виде свастики, фотографий нацистских преступников.

◇ Призывы к свержению органов государственной власти, к насилию по отношению к ее представителям, а также к национальным меньшинствам: *Смерть ■, все на манежку с толпой в двадцать тридцать тысяч омон не справится... омону • [конец] дорога на кремль открыта; Пришло время К ве-*

шать!!!; в каждом городе есть штаб — каждому штабу по гранате мочить в каждом городе по пять • в день...; Бей ■ спасай Россию!

◇ Угрозы: *Мы вас всех скоро перевешаем на фонарях; К* убирайся вон... пока жив; а тебя гнида мы найдем и со дна морского поднимим и башню проломим.*

◇ Оскорбления (часто переходящие в глумление): *Разве у зверей бывает лицо? Остается одно правильное название – морда вагальской национальности; Ха-ха-ха-ха!!! Гордишься, что ■? Ха-ха-ха! Ща лопну со смеху. ■ быть позорно! А ты гордишься. Уха-ха-ха-ха-ха-ха!!!*

◇ Рассказы об этнических меньшинствах [Дейк 1989] с использованием слов и выражений, унижающих национальное достоинство: *Жена 3 года назад работала в ФМС (до капитана дошла). Делала все, чтобы ■ сюда не перлись. В очереди вели себя так, что охрану приходилось частенько вызывать...; Эти ■ везде приходишь в гаи машину оформлять их там толпа...*

◇ Провокативные речевые действия, направленные на разжигание национальной розни. Одна из распространенных тактик – не мотивированное предшествующими комментариями крайне резкое националистическое высказывание, порождающее ответную националистическую реакцию, которая, в свою очередь, вызывает коллективную вспышку оскорблений, угроз и последующее доминирование национальной тематики.

◇ Трансляция и популяризация расистской идеологии: *РА- Это КультуРА-Расеи (РАсыСЕющая) так называлась пРАродина РУСОВ) [аватар пользователя включает свастику].*

(<http://news.rambler.ru/8496334/comments> Дата обращения: 18.12.10)

(<http://news.rambler.ru/8635039/comments> Дата обращения: 2.01.11)

(<http://news.rambler.ru/8864998/comments> Дата обращения: 30.01.11)

(<http://news.rambler.ru/8995110/comments> Дата обращения: 11.02.11)

Влияют ли практики враждебности на речевое поведение пользователей, присоединяющихся к общению? На первый взгляд, нет: ведь каждый человек свободен в своих суждениях и в выборе манеры письма. Однако в действительности новый субъект речи входит в коммуникативное поле, в котором уже сформирован круг предпочитаемых тем, устойчивых оценок, где сложились правила речевого взаимодействия, где за коммуникативное доминирование борются группы завсегдатаев сайта, в том числе «тролли». В данном поле нет места пользователю, рассчитывающему на уважительное отношение к его позиции, если она не совпадает с групповыми предрассудками, а также на этичное поведение оппонентов. Человек, приобщенный к культуре и разделяющий гуманистические ценности, не вступает в такое общение. Но многие посетители сайта, еще не сформировавшиеся как личности, эти правила принимают. Они начинают чувствовать, думать и говорить «внутри дискурсивных правил».

4. Агрессия вербальная и агрессия физическая. Можно утверждать, что сегодня социально-политическая часть блогосферы представляет собой коммуникативную среду, в которой формируется особая ментальность, характеризующаяся своими социальными установками и нормами поведения. В значительной мере она питается оппозиционно-протестными настроениями и обнаруживает тенденцию к сближению с националистической идеологией (нередко в экстремистских формах социального протеста, межэтнических и межконфессиональных взаимодействий). Установка на проявление враждебности и речевую агрессию органична для этой ментальности. Являясь маргинальным идеологическим образованием, последняя тем не менее претендует на утверждение своих идеологических представлений и оценок в этическом и правовом созна-

нии общества, а также на легитимизацию экстремистских убеждений и практик. При этом предпринимаются попытки оправдать экстремистские действия ссылкой на свободу слова, на право свободного выражения мнения. В данном отношении показательна полемика, развернувшаяся в связи с делом блоггера Саввы Терентьева. Как сообщается в электронной энциклопедии “Википедия”, «15 февраля 2007 г. в Интернет-блоге “suranov” милиционеры обнаружили оставленную Терентьевым запись, расцененную ими как “направленную на возбуждение ненависти или вражды к социальной группе” – милиции:

“ненавижу ментов, сцуконах не согласен с тезисом „у милиционеров остался менталитет репрессивной дубинки в руках властямущих“. во-первых, ментов. во-вторых, не остался. он просто-напросто неискореним. Мусор – и в африке мусор. кто идёт в менты — быдло, гопота – самые тупые, необразованные представители жив(отн)ого мира. было бы хорошо, если в центре каждого города россии, на главной площади (в сыктывкаре – прям в центре стефановской, где ёлка стоит чтоб в с е м видно было) стояла печь, как в освенциме, где церемониально, ежедневно, а лучше – дважды в сутки (в полдень и полночь, например) – сжигали бы по неверному менту. народ, чтоб сжигал. это был бы первый шаг к очищению общества от ментовско-гопотской грязи.”»

(<http://ru.wikipedia.org/wiki> Дата обращения: 28.02.11)

Автор текста, осужденный условно, посчитал, что нарушено его право на свободу слова, и подал кассационную жалобу в Верховный Суд Республики Коми. Но «к изумлению Internet-общественности, суд кассационную жалобу отклонил» [цит. по: “Википедия”].

Представляется, что «изумление» блоггеров отчасти можно объяснить их погруженностью в свою коммуникативную среду (ведь им известно, что ком-

ментарии, подобные приведенному выше тексту, широко и при этом безнаказанно публикуются в Сети) и наивной претензией на отождествление групповой «этики» с нравственными и правовыми нормами социума.

Поддержка позиции С. Терентьева рядом СМИ, думается, в значительной мере связана с распространенным представлением о вербальной агрессии – пусть и в экстремистских ее формах – как общественно неопасном явлении, а также с предположением, что наказание за подобные высказывания может быть чрезмерно суровым. Этим, вероятно, обусловлено и появление экспертных заключений, в которых отрицается наличие в приведенном тексте языковых и речевых показателей нарушения закона (о ненадлежащей лингвистической экспертизе см.: [Салимовский, Мехонина 2010]).

Однако представление о том, что подобные публикации в сети не приводят к физическому насилию, ошибочны. По справедливому замечанию известного этнолога В.А. Тишкова, «без первичного насилия как акта речи сам конфликт и физическое насилие невозможны» [Тишков 2003: 381].

Примечательно, что в последнее время экстремистские речевые практики получают продолжение в публичных акциях, сценарий которых предусматривает агрессивные физические действия. Примером может служить акция “Дворцовый переворот”, проведенная в Петербурге арт-группой “Война”: «Активисты заблокировали велосипедными замками главные ворота Михайловского замка и заперли боковые входы. Затем “штурмовая бригада” раскачала и перевернула милицейскую машину. После этого группа активистов “Войны” из нескольких десятков человек прошла по набережным Мойки, Фонтанки и городским площадям, блокируя и переворачивая машины ДПС...» (<http://www.gazeta.ru/social/2010/11/16/3438125.shtml> Дата обращения: 28.02. 11).

Сформировавшаяся в дискурсе установка на физическую агрессию приводит и к увеличению числа тяжких преступлений. Так, зам. главы МВД М.Суходольский констатирует «возрастающую агрессию и дерзость в поведении отдельных групп граждан, которые, переступая грань закона, применяют насилие в отношении сотрудников правопорядка» (<http://www.pravo.ru/news/view/38672/> Дата обращения: 28.02. 11). По данным информационно-аналитического Центра “Сова”, за первые два месяца 2011 г. в результате расистских и неонацистских нападений пострадало не менее 25 человек, из которых 8 человек погибли (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/03/d21073/> Дата обращения: 2.03.11).

5. Блогосфера сегодня и завтра: от «грязных» речевых практик к цивилизованному общению? Во многих областях социальной жизни, где одни граждане вполне свободно нарушают права других, вводятся технически обеспеченные и поэтому эффективные препятствия для правонарушений. Например, сегодня в супермаркете покупатель при расчете не проверяет «в уме», как это было некоторое время назад, правильность запрашиваемой продавцом суммы, поскольку все денежные операции отражаются в окне кассового аппарата и фиксируются в чеке.

Государство обязало собственников использовать при продаже товаров контрольно-кассовую технику, чтобы обеспечить поступление в бюджет налогов и правильность расчета с покупателями. Это решение, призванное сделать розничную торговлю цивилизованной, породило споры о возможных негативных его последствиях для бизнеса. Опасения отчасти были лукавыми, маскировавшими желание, как и прежде, работать с нарушением правовых норм.

Аналогичные споры возникают всегда, когда назревает необходимость обеспечить действие норм права в какой-либо сфере, где эти нормы регулярно

нарушаются, в том числе в Интернете. Говоря о необходимости позитивных изменений в сетевой коммуникации, мы имеем в виду, что они могут быть достигнуты с помощью компьютерных программ (фильтров), не пропускающих противоправные высказывания в публичное пространство. К сожалению, применяемые в настоящее время ИТ-компаниями системы автоматического модерирования не устраняют не только экстремистские тексты, но и матизмы, если графическая форма последних несколько изменена. (Заметим, что отказ от использования эффективных фильтров может быть связан с незаинтересованностью компаний в уменьшении числа пользователей.)

Разумеется, программы-фильтры ориентированы на типичные формальные речевые показатели и не обеспечивают стопроцентного блокирования экстремистских высказываний. Однако в абсолютном большинстве случаев размещаемые в Сети противоправные посты и комментарии стереотипны как в содержательном, так и в формально-речевом отношении, что облегчает их фиксацию блокирующим устройством.

Фундаментальное свойство речи, изучение которого позволяет решать многие лингвокриминалистические задачи [Мишланов, Салимовский 2010], – ее системность. Еще в 1960-е гг. М.Н.Кожина продемонстрировала наличие этого свойства не только у языка, но и у речи и эксплицировала понятие о нем как о базовой категории функциональной стилистики. Речевая системность – это взаимосвязь языковых единиц разных уровней на текстовой плоскости, обусловленная единым коммуникативным заданием в комплексе с другими экстралингвистическими факторами [Кожина 1966, 2010]. В актах речевой коммуникации единицы одних языковых уровней «закономерно “вызывают” использование тех, а не иных возможных единиц других уровней» [Кожина 1968: 112]. Это позволяет определить параметры речевой формы, необходимые для создания

компьютерной программы. Разнообразные проявления речевой системности изучены сегодня по отношению к основным типологическим признакам текстов различных сфер общения [Матвеева 1990, 2011, Очерки 1996], жанровым структурам и частным дискурсивным формациям [Салимовский 2002]. Целенаправленное изучение речевой системности тех типизированных речевых образований, которые необходимо исключить из киберпространства (изучение повторяемости и взаимосвязи не только их лексических, но и грамматических особенностей, общей системно-речевой картины) открывает, на наш взгляд, новые возможности разработки компьютерных программ-фильтров. Этот анализ предполагает использование статистических методик на основе гипотезы о характере речевой объективации тех или иных интенций в определенной коммуникативной ситуации.

В исследованиях по информационной безопасности и информационному поиску задача фильтрации является частным случаем задачи классификации (или рубрикации). Не следует отождествлять классификацию и кластеризацию. Основным отличием рубрикации от кластеризации является то, что рубрики заранее задаются пользователем или экспертом, а кластеры формируются автоматически при анализе коллекции.

Приведем формальную постановку задачи классификации. Пусть дано конечное множество категорий $C = \{c_1, c_2, \dots, c_{|C|}\}$ и конечное множество документов $D = \{d_1, d_2, \dots, d_{|D|}\}$. Целевая функция $\Phi: D \times C \rightarrow \{0,1\}$, которая для каждой пары <документ, категория> определяет, соответствуют ли они друг другу, неизвестна. Необходимо найти классификатор Φ' , т.е. функцию, максимально близкую к функции Φ [Лифшиц 2005]. Если даны две непересекающиеся категории, то говорят о бинарной классификации. Разработанный аппарат бинарной классификации широко представлен в фильтрации спама.

Принято различать ручную классификацию, классификацию на основе правил и автоматическую классификацию (информационный поиск, машинное обучение).

Автоматической классификации предшествует этап индексирования документов. Под индексацией понимается процесс приведения документа к единому формату. Индексирование включает в себя построение модели документа и уменьшение размерности. Наиболее распространенными моделями документов являются варианты моделей множества слов (bag-of-words), а именно – бинарная модель и модель с весами терминов. Бинарная модель учитывает только наличие или отсутствие слова в документе, во взвешенной же модели каждому термину ставится в соответствие его вес.

Выбор признаков, используемых при классификации, может быть эвристическим, основанным на лингвистических знаниях или знаниях предметной области, или статистическим. Многие классификаторы используют списки стоп-слов. Некоторые классификаторы игнорируют как слишком часто, так и слишком редко встречающиеся термины, при этом пороговое значение выбирается на основе эвристик и может зависеть от корпуса и решаемой задачи. Для выбора признаков существует два противоположных подхода: добавление подходящих признаков и удаление лишних.

Обычно алгоритмы выбора признаков работают по следующей схеме:

1. Для каждого термина вычисляется мера различия между классами.
2. Термины сортируются в порядке убывания этой величины.
3. Выбираются лучшие признаки.

В зависимости от результата различают два типа классификации:

◇ точную, когда документ однозначно относится к той или иной категории $\Phi': D \times C \rightarrow \{0,1\}$;

◇ ранжированную, если документ относится к категории с некоторой вероятностью $\Phi': D \times C \rightarrow [0,1]$.

Для фильтрации экстремистских текстов нами используется экспертный метод выявления признаков. Применяется взвешенная модель документа. При обнаружении признаков экстремизма сообщению назначается штраф. Разные признаки имеют различный вес. При превышении суммарного штрафа заданного порога сообщение считается экстремистским. Алгоритм устойчиво работает даже в случае намеренного искажения терминов.

В дальнейшем планируется автоматизация выявления признаков и применение методов классификации на основе машинного обучения (например, байесовский классификатор).

Важно отметить, что использование программы-фильтра не является политической цензурой. Программа блокирует только те тексты, которые обнаруживают бесспорные показатели противоправной деятельности. Существенно также, что, в отличие от малоэффективной борьбы с отдельными проявлениями экстремизма в Интернете, программа направлена против массовых речевых практик, т.е. против вербальной экстремистской деятельности как таковой.

*

Резюмируем сказанное. В настоящее время в Рунете экстремистские тексты размещаются совершенно свободно и лишь в очень редких случаях им дается правовая оценка. Местом их публикации являются не только сайты и блоги отдельных пользователей, но и порталы уважаемых ИТ-компаний.

Анализ этих текстов показывает, что в блогговом пространстве сложились дискурсивные практики комментирования социально значимых событий, предполагающие выражение эмоций враждебности и речевую агрессию. Данные практики основываются на стереотипах и предрассудках группового сознания и очень часто представляют собой типовые экстремистские действия – такие, как демонстрация ников и аватаров с именами и фотографиями нацистских преступников, призывы к насилию по отношению к представителям государства, национальным и конфессиональным меньшинствам, оскорбления, угрозы, пропаганда нацистской идеологии и др. Массовое распространение в Сети экстремистских дискурсивных практик коррелирует с ростом числа нападений на сотрудников правоохранительных органов, а также преступлений, совершенных на межэтнической почве.

Эффективным средством противодействия экстремизму в Интернете могут стать компьютерные программы (фильтры), исключаящие заведомо противоправные тексты из публичного пространства.

---

¹ Статья издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-14-59010а/У

Список литературы

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 376 с.
- Арутюнова Н.Д.* // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Васильева В.В., Салимовский В.А. О механизме продуцирования массмедийного политического текста (в печати).

Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. 612 с.

Дейк Т.А. ван. Предубеждения в дискурсе. Рассказы об этнических меньшинствах // Он же. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 190-225.

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. – 464 с.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. 416 с.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1968. 252с.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: Флинта, Наука, 2010. 464 с.

Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международн. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.

Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург / Ин-т развития регионального образования, 1994. С. 214-233.

Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург / Урал. ун-т, 1997. С. 26-38.

Лифшиц Ю. Классификация текстов // Алгоритмы для Интернета. 2005г.
<http://yury.name/internet/>

Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург / Ин-т развития регионального образования, 1994. С. 81-104.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2005. 794 с.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд. УрГУ, 1990. 172 с.

Матвеева Т.В. К вопросу о единицах речевой системы // Речеведение: современное состояние и перспективы / Перм. ун-т. Пермь, 2010. С. 78-84.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 56-65.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. К теоретическим основаниям судебной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2010. №4. С. 214-222.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. СПб: Норинт, 2003. 448 с.

О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Федеральный закон РФ от 27.07. 2006. N 148-ФЗ // Российская газета, №4131, 29.07.2006.

О противодействии экстремистской деятельности. ФЗ от 25.07. 2002. № 114-ФЗ // СЗ РФ, 2002, №30.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.944 с.

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Стилистика научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Т. II, ч.2. 396 с.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236с.

Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (8). Пермь, 2010. С. 48-51.

Сиротинина О.Б. Речевая культура //Стилистический энциклопедический словарь русского языка М.: Флинта, Наука 2000. С. 343-347.

Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М.: фак-т журналист. МГУ, 2000. С. 9-23.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Чепкина Э.В. Формы общения с читателем в современной газете // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург / Урал. ун-т, 1997. С. 18-26.

Шарков Ф.И. Теория коммуникации. М.: РИП-холдинг, 2004. 246 с.

The Handbook of Discourse Analysis. Edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, Heidi E.Hamilton. Blackwell Publishing, 2003. 872p.

Рецензия на книгу: Н.С. Болотнова. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.⁵

Аннотация: В рецензии на вышедший в 2009 г. в издательстве «Флинта», «Наука» словарь-тезаурус Н.С. Болотновой «Коммуникативная стилистика текста» проанализирована концепция Словаря, охарактеризованы принципы формирования словника, построения словарной статьи, фиксации системных связей между терминами-понятиями. Оценен вклад Словаря в лексикографическую разработку проблем лингвистической стилистики.

Коммуникативная стилистика текста – новое направление в развитии лингвостилистики, сложившееся в 1990-2000-е гг. в русле коммуникативно-когнитивной лингвистической парадигмы. К настоящему времени оно оформилось в целостную теоретическую систему. Эта теория, разработанная Н.С. Болотновой и возглавляемым ею коллективом стилистов Томского государственного педагогического университета, основывается на классических положениях стилистики художественной речи, функциональной стилистики и реализует потенциал новых идей, относящихся к языковой личности, концептуальной картине мира, сопряженности познавательно-коммуникативной деятельности автора и адресата, уровневой организации текста как формы общения, текстовым ассоциациям и др. Отсюда органичная связь указанного направления стилистики с лингвопрагматикой, психолингвистикой, психопозитикой, лингвистикой текста, филологической герменевтикой.

Н.С. Болотнова, описывая в Словаре интегральную понятийную систему коммуникативной стилистики текста, включающую как новые, так и уже известные термины, одновременно решает две важные задачи: характеризует понятийный аппарат оригинальной стилистической концепции и вместе с тем

---

⁵ «Сибирский филологический журнал». 2010, № 3. С. 223-226.

предоставляет читателю сведения о современном состоянии знания по широкому кругу проблем, разрабатываемых науками речеведческого цикла.

Автор Словаря определяет коммуникативную стилистику текста как одно из направлений функциональной стилистики, формирующееся на стыке с другими науками (с.58). Для этого, думается, есть все основания. В самом деле, функциональная стилистика изучает своеобразие способов осуществления текстовой деятельности и типов речевых произведений в связи со спецификой видов социокультурной деятельности (художественной, научной, правовой, религиозной и др.), в состав которых текстовая деятельность включается. На наш взгляд, главное в предмете функциональной стилистики – зависимость употребления языка (процессов текстопорождения и текстовосприятия) от сферы общения, понимаемой как единство вида социальной деятельности и формы сознания (М.Н. Кожина). В разные периоды развития функциональной стилистики исследовались различные аспекты этой зависимости: внимание лингвистов сосредоточивалось или на потенциале языковых средств, соотнесенных с теми или иными коммуникативными целями (либо функциями языка), или на взаимосвязи этих средств в речевых разновидностях (на стилистико-речевой системности), или на содержательно-смысловой и собственно речевой организации текста в их единстве. Круг доминировавших тем, идей, методов функциональной стилистики во многом определялся состоянием проблематики общего языкознания и взаимодействием стилистики со смежными лингвистическими дисциплинами. Поэтому нельзя согласиться с высказываемым иногда суждением об исчерпанности предмета функциональной стилистики, основанном, с нашей точки зрения, на отождествлении предмета этой науки с проблематикой ее исследований в тот или иной период. Действительно, сама предметная область стилистики, т.е. варьирование текстовой деятельности в разных коммуникатив-

ных сферах, претерпевающих изменения в процессе развития общества, неисчерпаема и составляет существенный аспект общей теории языка в действии.

В этой связи подчеркнем, что концепция коммуникативной стилистики текста, распространяющая новые лингвистические идеи на исследование текстовой деятельности в эстетической сфере общения, подтверждает плодотворность базовых положений функциональной стилистики и представляет собой одно из успешно развивающихся ее направлений, взаимодействующее с другими речеведческими науками. Думается, что многие понятия этой концепции, сложившиеся при изучении художественной коммуникации, могут быть адаптированы к анализу речевого общения в других сферах, характеризующихся особыми принципами «преломления бытия в тексте» (М.М. Бахтин).

Ядро Словаря составляют 109 терминов (из 281), специфических для коммуникативной стилистики текста, что свидетельствует о масштабности рецензируемой лексикографической работы. Связь того или иного понятия со смежными понятиями фиксируется с помощью ссылок, обычно завершающих словарную статью. Поэтому читателю легко ориентироваться в терминологической системе концепции.

Так, статья *Коммуникативная стилистика текста* содержит ссылки на статьи, посвященные основным разделам этой научной дисциплины: *Теория регулятивности*, *Теория текстовых ассоциаций*, *Теория смыслового развертывания текста*. В статье *Теория регулятивности*, в свою очередь, представлены отсылки к статьям *Регулятивность*, *Регулятивные средства*, *Регулятивные структуры*, *Регулятивные стратегии*, *Способы регулятивности*. В тексте же этих словарных статей помимо новых ссылок находим описание частных понятий, не выделенное в отдельные статьи. Например: «...различаются *регулятивы-локативы* и *регулятивы-концепты*... *контактные* и *дистантные* регулятивные

средства» (с. 168). Столь же тщательно систематизируются понятия других подсистем понятийного аппарата концепции.

Основательность авторского подхода к составлению словаря обнаруживается и в том, что выбор раскрываемых в нем понятий подчиняется логике построения научной теории. Действительно, в словнике представлены группы терминов:

а) воплощающих специальную научную картину мира: *Новая парадигма в лингвистике, Речеведение, Текстцентрическое направление современной лингвистики, Коммуникативный подход к тексту, Когнитивное направление в изучении текста, Системно-деятельностный подход к тексту, Связь коммуникативного и когнитивного направлений в изучении текста* и др., в том числе те термины, экспликация которых предполагает оценку состояния научного знания в выделенной объектной области: *Лингвистика текста, Лингвистическая поэтика, Функциональная стилистика текста, Соотношение коммуникативной стилистики текста с психопоэтикой и филологической герменевтикой, История изучения структуры текста, Современные направления коммуникативного изучения художественного текста* и др.;

б) характеризующих методологию коммуникативной стилистики текста, т.е. используемые методы и методики: *Методология исследования, Методы общенаучные, Метод наблюдения, Метод эксперимента, Метод моделирования, Метод концептуального анализа, Метод интертекстуального анализа, Метод семантико-стилистический, Методики смыслового анализа текста, Методика анализа ассоциативного слоя художественного концепта* и др.;

в) образующих собственно «тело теории» – специфических, созданных при ее построении (*Лексическая структура текста, Ассоциативная структура текста, Концептуальная структура текста, Текстовая системность, Комму-*

никативные универсалии, Диалогическая гармонизация, Доминанта регулятивности, Ассоциативная доминанта текста, Композиционный код текста, Гиперконцепт и др.), а также привлеченных из иных концепций (Образ автора, Текстовая категория диалогичности, Художественно-образная речевая конкретизация, Стилистический узус и др.), в том числе общих для ряда направлений речеведения (Дискурс, Жанр, Контекст, Интегративность, Коммуникативные стратегии и тактики, Повествование и др.).

Тезаурусный характер словаря проявляется как в полноте охвата терминов коммуникативной стилистики текста и тщательной экспликации системных связей между ними, так и в развернутом энциклопедическом описании содержания соответствующих понятий. Важно, что словарная статья, помимо анализа существенных свойств понятия, во многих случаях включает сведения об истории его разработки, сопоставление с семантически близкими терминами, иногда для наглядности вводятся примеры.

Несомненное достоинство словарных статей – эвристичность представленной в них информации. Это относится к определению как новых, так и прочно утвердившихся в речеведении понятий. Показательно, например, что разносторонняя интерпретация понятия «текст», осуществленная в статьях *Текст*, *Текст как дидактический материал*, *Текст как единица обучения*, *Текст как феномен культуры*, *Текст как форма коммуникации*, включает в качестве смысловой доминанты его истолкование, интегрирующее основные положения новой стилистической концепции: «Текст в рамках коммуникативной стилистики трактуется как коммуникативно ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информационно-смысловую и прагматическую сущность» (с. 236).

Под углом зрения этой концепции в понятии «Жанр» акцентируются такие признаки его модели, как “коммуникативная цель”, “образ автора”, “образ адресата”. Отмечается перспективность исследования жанров речи в аспекте категории диалогичности.

В интерпретации понятия «идиостиль» опять-таки акцентируются новые аспекты изучения индивидуально-авторских особенностей мировидения и текстовой деятельности: «Идиостиль исследуется... на основе постижения художественного смысла разных произведений писателя с выявлением характерных для него способов лингвистического воплощения системы личностных “смыслов”, рассмотрения индивидуально-авторских средств и способов воплощения коммуникативных универсалий разного типа и изучения свойственных автору средств и способов регулятивности текста. Идиостиль проявляется и в целевой направленности текста, в выборе коммуникативных стратегий и тактик, в коммуникативно-прагматическом эффекте текста» (с.37-38).

Стремление автора словаря раскрывать содержание включенных в его состав понятий в контексте актуальных проблем коммуникативной лингвистики обусловило наличие в словарных статьях важных для читателя сведений о классических и новых исследованиях в этой области. Показательно, что библиографический список издания включает 551 работу, причем большей частью это публикации последних двух десятилетий.

Все сказанное свидетельствует о том, что словарь-тезаурус «Коммуникативная стилистика текста» является важным вкладом в лексикографическую разработку проблем лингвистической стилистики: в нем полно описана понятийная система одного из наиболее перспективных ее направлений, раскрыто содержание основных понятий более широкой предметной области – речеведения, представлен анализ новых идей в этой области знания.